

Встречи с И. С. Тургеневым.

„Пятницы“ у поэта Я. П. Полонского в 1879 году.

Еще будучи студентом, Яков Петрович Полонский собирал у себя по пятницам своих друзей. После некоторого перерыва эти собрания возобновились в половине шестидесятых годов по возвращении Полонского из Парижа в Петербург и происходили до его смерти, последовавшей 18 октября 1898 года. В дальнейшем продолжением их явились собрания «кружка», хранившего память о «пятницах Полонского».

Чрезвычайно общительный, терпимый, гостеприимный, Полонский имел широкий круг знакомых, и, благодаря этому, его «пятницы» отличались многолюдством, разношерстностью гостей, оживлением, непринужденностью. На вечерах появлялись представители высшей бюрократии—Вышнеградский, Победоносцев, Витте и др., литераторы и артисты, как, напр., Тургенев, Достоевский, Антон Рубинштейн, Горбунов, Савина, художники Айвазовский, Судковский, Верещагин, Репин, Каразин и др. Гости приходили обычно без приглашений.

Одним из посетителей «пятниц» был Дмитрий Николаевич Садовников (род. в 1847 г., сконч. в 1883 г.), поэт и автор исследований по этнографии Поволжья¹⁾. Садовников особенно чтит Тургенева, и именно желание зафиксировать свои встречи с ним побудило, как надо полагать, Садовникова записать то, чему он был свидетелем на «пятницах» в те годы, когда он там видел Тургенева.

Рукопись «дневника» Садовникова после его смерти была передана поэту Полонскому, от которого, по его кончине, перешла к его сыну—Борису Яковлевичу Полонскому, с любезного разрешения которого «дневник» печатается в «Русском Прошлом».

10-е марта 1879 г. Вчера в Благородном собрании был литературный вечер²⁾ с участием Достоевского, Полонского, Салтыкова, Тургенева и Плещеева с Потехиным. Я был на нем, получив предварительно от Полонского записку о том, что Тургенев после чтения заедет к нему пить чай. „Надеюсь, что завтрашнюю пятницу не пропустите“—писал Яков Петрович. Дело в том, что ни в один из прежних приездов

¹⁾ См. о нем в „Русском биографическом словаре“.

²⁾ В пользу Литературного фонда.

в Петербург мне не удавалось встретиться с любимым автором „Рудина“ и „Аси“. Я приезжал обыкновенно из провинции или слишком рано, или слишком поздно. Недели две назад, когда еще Иван Сергеевич не ездил в Москву, Полоцкий, затеряв мое письмо с адресом, не мог известить меня о том, что Тургенев у него обедает, и пригласить на этот обед, чтобы послушать талантливые рассказы всеми любимого романиста. И ему, и мне было это очень досадно.

Вечер 9-го марта прошел блистательно. Щедрин прочел своеобразно один из своих недавних рассказов, временами и очень кстати зевая. Его одутловатое лицо, значительно седая борода и темные еще волосы, самый голос, — все это как нельзя более шло к содержанию и тону рассказа о том, как русский человек *годит*³⁾. Произвел сенсацию: вызвали три раза. Я так и думал, что он, в конце концов, нетерпеливо крикнет: „Ну, чему обрадовались? Черти!“ Однако, нет — аплодисменты смягчают. За ним прочел два либеральных стихотворения⁴⁾ добродушнейший и сладкий Плещеев, смахивающий по наружности на москвича-славянофила. Тоже похлопали, как петербургскому либеральному старожилу. А. Потехин произвел на меня и наружностью, и чтением скверное впечатление. Напомнил он мне Пузынского⁵⁾ в роли бабы, как две капли. Отрывок выбрал из последнего своего шаблонного романа⁶⁾ — вообще ерунда. Тоже понравился. Я начинал бояться за то, что рук, пожалуй, окажется в конце вечера недочет: слишком неразборчиво-расточительны. Щедрина три раза вызвали и Потехина, кажется, три; как тут понять? После небольшого антракта вышел маленький Достоевский и начал читать одну из глав „Братьев Карамазовых“⁷⁾. Начал он вяло и скучно: речь шла о такой чертовщине в полном смысле слова, что я невольно подумал: „вот человек, точно лорд Редсток⁸⁾ какой-то апокалипсис объясняет“. Но когда дело дошло до признания Дмитрия Карамазова, все разом переменялось. Публика замерла. Болезненная глубина чувства этого сладострастника была так художественно-правдиво передана автором, что я ничего подобного не слыхивал. Манера читать прозу, стихи, делать вставочные обращения к брату, трепет голосового органа, где это требуется, ускоренный темп в сцене самоубийства, какая-то характерная торопливость на самом драматическом месте — неподражаемы. Его вызвали, если не ошибаюсь, пять раз⁹⁾. За Достоевским сейчас же читал По-

3) См. первые главы „Современной идиллии“.

4) „Проповедник“ и „О, петь не всякому дано“. См. „Голос“, 1879 г., № 70.

5) Вероятно, В. З. Пузынский, служивший в 70-х г.г. в Контрольной палате в Симбирске, родине Д. Садовникова (указание Б. Л. Модзалевского).

6) „Молодые побеги“. См. „Голос“, 1879 г., № 70.

7) Главы, составляющие „Исповедь горячего сердца“ (первоначальное название — „Рассказ по секрету“).

8) Редсток появился в Петербурге в 1874 году.

9) 11 марта 1879 г. Страхов писал Л. Н. Толстому: „Третьего дня было литературное чтение; и меня порадовало, что публика встретила Достоевского с таким же восторгом, как Тургенева...“ („Толстовский музей“, т. II).

лонский и этим много проиграл. Во-первых, публика еще не страш-нула с себя тяжелое впечатление предыдущего чтения; во-вторых, стихотворение „Нина Александровна“¹⁰⁾ длинно и, в силу тягучей декламации, утомительно действует на непривычных слушателей. Раздавались глупейшие замечания некоторых особ прекрасного пола, в большинстве случаев, по справедливому замечанию Пушкина, вовсе лишенных вкуса в высоком смысле этого слова. „Почему это скрипучая арба“ (смех), „Ну, лампадку зажгли“¹¹⁾ (смех), „Что это за вой?“ и т. д. Полонский отчетливо, с паузами, напирая на музыку слов, так и отчеканивал свои стихи, которые, впрочем, в этот раз мне далеко не так понравились, как в первый раз, когда он их читал мне у себя в кабинете. Перед выходом он, видимо, был взволнован и говорил в начале вечера, что зала слишком велика. Вызвали два раза. Больше посоветились почему-то.

Вот, наконец, появился и редкий наш гость. И. С. Тургенев, — он должен был закончить этот вечер, прочтя „Бурмистра“¹²⁾. Долго приходилось ему раскланиваться и раскланиваться без конца. Как я ни старался рассмотреть его лицо в бинокль, — не мог. Все лицо сливалось в какое-то красное пятно, окаймленное совершенно белой подстриженной бородой и снежно-белыми волосами. Публика почти вся поднялась, раздались аплодисменты, крики „браво!“, махали платками, неистовствовали, особенно женщины. Голос чтеца оказался слабее всех предыдущих голосов, и сначала я плохо различал читаемое. Звуки точно терялись где-то, тонули в усах, если можно выразиться. Но мало-по-малу от промежуточных описаний, которые Тургенев прочитывает несколько певуче и быстро, автор „Аси“ перешел к сценам. В них он мастерски сумел оттенить все голоса, особенно бурмистра и старика-крестьянина, пришедшего с жалобой к барину. Слова последнего он тоже прекрасно произносил, несколько в нос. Комически выделились речи третьего мужика, ежеминутно повторявшего: „отцы-благодетели!“. Читает И. С. с небольшой жестикюляцией, но значительно меньшей, чем у Достоевского. Опять финальный взрыв рукоплесканий и вызовов, от которых, в конце концов, Тургенев, как я после узнал, успел удрать.

Литературное чтение окончилось, вероятно, в полночь или около этого, и я отправился к Полонскому, куда должен был приехать Тургенев. На первых порах я не застал там ни хозяина, ни хозяйки, ни Ивана Сергеевича. Зато было много гостей и, между прочим, две новых для меня личности; Соловьев (философ из Москвы) и Григорович. Лицо первого напомнило мне какого-то монаха: борода, широкие усы, длинные волосы (черные) — вообще лицо оригинальное и умное. От него я узнал, почему разрешили „Русскую Мысль“ и запретили „Русскую

¹⁰⁾ „Нина Александровна Грибоедова“.

¹¹⁾ „...И что скрипучая арба везет его домой...“ „... Когда, лампадку засветив, остались мы одни...“

¹²⁾ В 1871 г. Тургенев несколько раз читал „Бурмистра“ на литературных вечерах в Петербурге.

Думу": конституции испугались ¹³⁾. С вечера я явился чуть-ли не первым: „Ну, что, как приняла публика Ивана Сергеевича?“ — посыпались расспросы, и когда я сказал, что лучшего приема требовать нельзя, все очень этому обрадовались. Старик И. Ф. Золотарев ¹⁴⁾ просиял.

Раздался звонок—оказывается Тургенев с высоким полным мужчиной, постоянным своим спутником, кажется, Топоровым ¹⁵⁾. Большинство знавших уже его окружило и радостно приветствовало. Топоров, повидимому, молился на него, предупреждая малейшие желания, устраняя всякие неловкости, неудобства и пр. И вот, когда И. С. сел за круглый стол, взял стакан чаю и заговорил, я в него взгляделся и составил о нем первое и, надеюсь, самое верное понятие.

Все портреты, какие только я видел, не передают выражения этого поистине прекрасного лица, прекрасного своей неотразимой симпатичностью, именно тем, чем отличаются все произведения этого широкого лба, этого глубоко чувствующего сердца. На портретах Тургенев выходит груб, мужиковат, прост. Живой Тургенев, Тургенев, польщенный приемом, Тургенев в духе—совсем не то. На чертах лица видна, в голосе слышна порода — это прежде всего, что бросается в глаза. Во время оживленного рассказа выражение дышит каким-то юношеским одушевлением, седой бороды не замечаешь или забываешь. Что-то молодое сквозит и приковывает.

В начале, когда его обсели и обступили, я сидел в стороне и лишь мельком прислушивался к его простой, изящной речи, а затем меня как-то невольно увлекло его рассказом о Франции, о дорожных происшествиях; я подсел ближе и стал слушать. Говорил он о Василевской (пианистке), о поэзии ее музыки; хвалил Куинджи ¹⁶⁾. В конце концов явился Гайдебуров ¹⁷⁾ и стал смотреть Тургеневу в самый рот. Схватив общее выражение лица, общий тон речи, манеру, я стал разглядывать, следя за разговором, за мелочами, на которые, обыкновенно, не обращают никогда внимания. Во время разговора Тургенев иногда делал легкие красивые жесты, и я нашел, что руки у него тоже красивы — аристократические руки, лицо розоватое, рубашка на груди немного замахрилась, и тому подобную ерунду. На лево от Ивана Сергеевича сидел известный говорун Григорович, очевидно желавший вставить в разговор и свой рассказ, но Тургенев овладел общим вниманием и, не торопясь, свободно, непринужденно передавал все, что вспоминал, думал, чувствовал, так же непринуж-

¹³⁾ Ежемесячный журнал „Русская Мысль“ (С. А. Юрьева) первоначально предполагалось назвать „Русская Дума“ (см. „Сборник в память С. А. Юрьева“).

¹⁴⁾ Товарищ председателя Славянского комитета.

¹⁵⁾ А. В. Топоров. О нем в—воспоминаниях Скабичевского („Ист. Вестник“ 1910 г. № 1); „И. С. Тургенев в заботах о судьбе своих сочинений. Письма к А. В. Топорову“. („Русская Старина“, 1883 г., № 10). См. также „Памяти Тургенева“ Л. Нелидовой. („Вестник Европы“ 1909 г., № 9).

¹⁶⁾ Широкая известность Куинджи началась с 1876 г., когда он выставил „Украинскую ночь“.

¹⁷⁾ П. А. Гайдебуров, редактор-издатель журнала „Неделя“.

денно, как Лавровская¹⁸⁾ берет любую ноту своего регистра. Речь шла о Париже и необыкновенной чистоте национального праздника в память республики, праздника, где были тысячи, тысячи почти исключительно блузников, и не произошло никакого скандала.

— „Французов спасает эта особенная, свойственная им, *courtoisie*. Представьте, тут люди веселились вполне искренно, большей частью ремесленники,—буржуа почти не было—прачки, слесаря, фабричные, торговки с запахом сыра, водки. Для их праздника отведено было огромное помещение и никто не позволил себе, например, относительно женщин ничего. У нас бы давно вышло что-нибудь, и кого-нибудь за неприличие бы вывели. За то без возмущения и волнения, признаюсь, я ни разу не выходил из суда, где разбиралось дело какой-нибудь французской женщины. Возмутительно! Видно, что публика настроена в пользу подсудимой (я говорю, главное, об отношениях жены к мужу и т. п.). Но никакая защита не становится на сторону французской женщины. Закон решает наказать, и против буквы закона—ни слова. Все это так, но такая-то статья закона говорит то-то—и кончено. Возмутительно!“.

Затем, помнится, разговор перешел на Москву, где в последнее время проявился замечательный сценический талант у одной женщины, которая человек у тридцати сумела выпросить денег, разыгрывая несчастную, убитую горем, и пр., а, в конце концов, не выдержала и сказала, что это она только представляла—не более.

— „До того входила в роль,—говорил Тургенев,—что рыдала, буквально рыдала, уходя шаталась, дрожала, как бы невзначай, того сама не сознавая, роняла деньги, которые за ней подбирали и пр. в этом роде. Со мной там случилось нечто подобное. Один мой знакомый, Кашперов¹⁹⁾, говорит раз при встрече: „Что, И. С., вы не откажетесь участвовать в концерте с благотворительной целью?“ Я, конечно, согласился. Дня через два, представьте мое удивление, вижу афишу и на ней крупными буквами, такими, какими о свежих устрицах вывешивают известие, стоит моя фамилия, что я буду что-то читать. где бы вы думали?—в Большом театре. Просто убили. Явился я в Большой театр, с грехом что-то прочел. Набрал Кашперов, надо вам сказать, каких-то пискунов, визгунов в концерт просто слушать невозможно. Входит в ложу человек и говорит, что меня желает видеть некто. Выхожу—молодой человек ангельской паружности.—Что вам угодно?— Я, говорит, И. С., из Ташкента присхал сюда и желал видеть вас по одному делу. Барон Шван.—Здесь несудбно теперь, взгляните завтра ко мне. Приходит, начинает путаться; ничего я не понимаю, спрашиваю: чего же вам надо? Штурманом, оказывается, где-то был, есть билет на проезд до Кременчуга, а от Кременчуга до Киева, кажется, нет, стоит 17 руб. и пр. Я ему даю 20 рублей. Только все

¹⁸⁾ Е. А. Лавровская, в 1868—1879—1880 гг. певшая на сцене Марининского театра.

¹⁹⁾ Композитор Кашперов был рекомендован Тургеневу в 1856 году Герценем и Огаревым („Новое о Герцене“.—„Современник“, 1913 г., кн. № 6)

сомневаюсь и до сих пор. Такое наивное ангельское лицо—не эксплуатирует-ли он им?“²⁰⁾).

Вообще вечер с Тургеневым принял какой-то особенно семейный характер. Помню одно меткое замечание И. С. на счет русского человека: „Ведь, вы знаете, когда русский человек попадает под суд, у него вид совсем изменяется. Является какая-то особенная гордая осанка“.

Представился я ему перед самым уходом, при чем совершенно искренно выразил свое довольство, тем, что вижу его после стольких тщетных стараний увидеть. На вопрос, долго-ли он пробудет здесь, Тургенев отвечал, что с неделю. В следующую пятницу должен состояться литературный вечер с Савиной,²¹⁾ на котором пойдет „Провинциалка“. Хотели многие попросить Достоевского повторить прочитанный отрывок из „Карамазовых“²²⁾. Как маленькую память обо мне, я передал Тургеневу свой сборник,²³⁾ чем, повидимому, он остался доволен.—„Милости прошу ко мне, часов до 12 я дома“. Был третий час утра, когда общество разошлось²⁴⁾.

Не обошлось и без маленького скандала²⁵⁾. Когда Тургенев прошел за занавес в комнату для чтецов, в коридоре он столкнулся со Щедриным и протянул ему руку; тот слегка взял ее и отворотился. Достоевский сделал то же. „Здесь что-то холодно!“—заметил Тургенев своему спутнику и вышел из комнаты. Те, очевидно, поняли это и после подходили к Тургеневу, заводя с ним разговоры о разной всячине.

Во вторник 13-го марта 1879 года я навел Ивана Сергеевича часов около одиннадцати утра. Он стоял в Европейской гостинице, № 194. Накануне я был у него, но не застал. Через небольшую полутемную прихожую я подошел к номерной двери и спросил, можно-ли войти. Несколько робкий голос ответил: „войдите“, и я очутился перед Тургеневым, еще не одетым, в пестренькой клетчатой фуфайке на французский манер. В первую минуту он не узнал меня.

„Садитесь, пожалуйста, вот здесь“—приглашал он меня, указывая на диван, а сам располагаясь в креслах. „Просматривал ваш сборник и нахожу его интересным; мне особенно нравится толковая и ловкая группировка загадок“. „А я продолжал хозяин номера—все читаю:

²⁰⁾ Этот рассказ приведен в воспоминаниях Ободовского („Ист. Вестн.“ 1893 г., № 2).

²¹⁾ Отношения М. Г. Савиной (игравшей на сцене Александринского театра с 1874 г.) и Тургенева см.: М. Савина, Мое знакомство с Тургеневым („Театр и Искусство“, 1900 г., № 2). „Тургенев и Савина письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной“ (Петр., 1918 г., с предисловием А. Ф. Копп).

²²⁾ На литерат. вечере 16 марта Достоевский читал тот же отрывок („Голос“, 18 марта 1879 г.).

²³⁾ Вероятно, изданный Д. Н. Садовниковым в 1876 г. сборник „Загадки русского народа“.

²⁴⁾ В тексте здесь следует фраза: „Крупный нос, две глубокие морщины над переносницей“, относящаяся, очевидно, к Тургеневу.

²⁵⁾ На описанном выше литерат. вечере в Благородном собрании.

завтра буду читать у графини Толстой ²⁶⁾, еще будут Полонский и Григорович, а в четверг с Савиной участвую в „Провинциалке“ ²⁷⁾. Только я положительно не знаю, как это у меня сойдет; да и смешно выйдет: она будет играть, а я напротив нее читать по книжке. Иные вещи я сам сознаю, чувствую, что читаю как следует, ну, а актер я—более, чем плохой; до того плохой, что раз в одном интимном кружке составил спектакль; я был тоже участником, знал роль, но, представьте, вышел и ничего не могу сделать. Так мне закричали: вон, вон (*à bas! à bas!*)!. Одним словом, я такой же плохой актер, как и плохой драматический писатель“.

Я согласился с тем, что том его комедий самый слабый том из собрания сочинений, и выразил сожаление, почему он не позволит издать своих стихов ²⁸⁾ и почему считает их уже до такой степени плохими.

— Бесцветны они, и я их не люблю,—отвечал И. С. Затем продолжал он по поводу своих петербургских чтений.

— Напали на меня некоторые литераторы (Гайдебуров, например), зачем я согласился читать с Савиной, что мне, как литератору, это неловко, и пр. Во-первых, я ничего не вижу в том, что придется перед публикой выйти на сцену вместе с Савиной—это все вздор; во-вторых, отказаться я не в силах, не могу, чему, может быть, виной моя слабохарактерность. Но что у нас с Савиной выйдет недоумеваю. Я могу, чувствую это, на первых порах сконфузиться.

— Долго-ли вы пробудете здесь?—спросил я.

— В субботу уеду непременно.

На это я высказал сожаление, что такой короткий срок не дает ему возможности оставить для России хороший, схожий портрет работы Крамского (к которому накануне я заезжал с Полонским, передавшим художнику желание Тургенева,—ибо Харламовским он недоволен ²⁹⁾ и уверен лишь в таланте и искусстве одного И. Н. Крамского). На грех у Крамского были больны дети скарлатиной, да и срок (шесть дней) слишком мал для того, чтобы что-нибудь вышло.

Затем я обратился к Тургеневу с интересовавшим меня вопросом на счет молодой французской поэзии, по поводу Ришпена и Бушора, перевод из которого выпускал тогда в свет.

— „Я расскажу вам все, что знаю,—начал И. С.—Видите-ли, во Франции или, собственно в Париже, несколько поэтических партий, из которых каждая сторонится от другой. Во-первых, парнасцы, считающие своей

²⁶⁾ С. А. Толстая—вдова поэта. О ее литературных вечерах, на которых бывали Гончаров, Достоевский, Полонский, Вл. Соловьев, писал в апреле 1880 г. Н. Н. Страхов („Толстовский музей“ т. II). См. также воспоминания К. А. Головина, т. I, гл. XXIII.

²⁷⁾ Выступление Тургенева с Савиной состоялось не в четверг 15-го, а в пятницу 16 го марта.

²⁸⁾ Первое издание стихотворений Тургенева вышло после его смерти, в 1885 г.

²⁹⁾ Портрет Тургенева был написан Харламовым в 1875 г. в Париже. В письмах Тургенева середины 70 х г.г. повторяются восторженные отзывы о Харламове, как портретисте.

главой де-Лиля. Сюда принадлежат: Сулари, Банвиль, Лёмуан и прочие. Франсуа Коппе стоит особняком между парнасцами, заботящимися исключительно об изящной форме, и молодыми реалистами-искренниками (Ришпенем, Бушором и др.). Последние, решившие говорить правду до такой степени, что один из кружка даже выразился: ¹ „Nous esgrignons sur notre drapeau: la vérité seule! à bas l'interêt“ (не в смысле денежного интереса, а интереса содержания, лишь бы правда была), не всегда, однако, избавлены от французской напыщенности и деланности. В одном из стихотворений Ришпена (из „Chanson de gueux“) есть такие строки...

Тут Тургенев стал очень звучно и отчетливо декламировать строфы, содержание которых более чем курьезно и грубо, несмотря на красоту стиха: „Сядем, друг мой, в омнибус и заедем в кабачок—au Batignol, где поедем „des attignoles“ (хлебы, посыпанные тмином — на языке воров), затем выпьем вина, подойдем к стене, приложимся к ней лбами и... (et nous pisserons) этим вином“ ³⁰).

— Заметьте,—сказал Тургенев,—что слово *pisser* приобрело в „Asso-moir“ Зола право гражданства: оно там *minimum* 30 раз попадает на страницах. Оба, надо заметить, и Бушор, и Ришпен — люди талантливые, особенно первый, но в последнем страшная любовь к фарсу— *c'est un farceur*. И рядом с таким грубым по содержанию и бесвкусным стихотворением попадают вещи замечательной простоты и красивой отделки во вкусе А. Шенье. Я помню маленькое стихотворение: сцена в лесу,—два мальчика нашли в нем старого больного козла и несут его на себе. Прелесть, что за вещица по художественности исполнения! ³¹).

Разговор наш прервал минут на десять Топоров, зашедший сообщить, что Савина, у которой он был сейчас, трусит читать с Иваном Сергеевичем и пересматривает Полонского, чтобы прочесть какое-нибудь стихотворение со сцены.

— Вот, видите,—заметил я Тургеневу—не вы один трусите, и Савина также. А на людях и смерть красна. Я даже почти уверен, что пьеска сойдет, потому что начинается очень непринужденно и подходит настоящему положению дела.

Говорили о том, что в Москве вообще теплее, чем в Петербурге, что в последнем немного старых знакомых, не столько, как там,—Полонский, Костомаров, и то только пожалуй (говорил Топоров).

— А Григорович?—добавил Тургенев.

После ухода гостя Иван Сергеевич продолжал начатый разговор.

— Да! так я остановился на молодых людях натуральной школы, как она у нас называлась. Главой своим они считают Бальзака, а предводителем, как вам известно, Флобера. Бушор и Ришпен часто бывают у Зола—они друзья.

— Вы лично знаете Бушора?—спросил я.

³⁰) Стихотворение „Fleurs de boisson“ из отдела „Nous autres gueux“.

³¹) Вероятно, стихотворение „Le bouc aux enfants“ из первой части сборника „La Chanson de gueux“. Содержание стихотворения передано не совсем точно.

— Как же, знаю. Это—богатый молодой человек, так же, как и Ришпен, очень красивый, высокий, с продолговатым лицом и темной бородой. Живет в Париже.

Я был несколько изумлен, узнав, что Бушор богат.

— Вчера был я у Щедрина,—продолжал Тургенев,—и он мне показывал последнее произведение Ришпена („Madame André“), на обороте которого стоит посвящение от автора, где Щедрин называется maître или что-то в этом роде. Вообще, надо вам сказать, кружок французских реалистов считает молодых русских литераторов своими учителями: им нравится наша правда и искренность.

— Ну, они несколько ошибаются относительно правдивости многих современных русских писателей,—заметил я; это, однако, любопытное явление.

— Третий кружок—романтиков. Во главе их стоит В. Гюго. Драматические вещи его они отвергают, оставляя одни лирические стихотворения и романы. Парнасцы тоже примыкают к нему одной стороной.

При этом Тургенев упомянул о Сюлли и его „Vase brisé“³²⁾, как о человеке, у которого мелькает иногда поэзия, но которого философия убила, как поэта. Один из романтиков (он назвал какую-то фамилию; помню, что фавн играл роль в заглавии³³⁾ его поэмы) написал такую вещь, что даже сам ее не понимает, не говоря о французах.

— Что-нибудь в роде „Хевери“ нашего Соколовского³⁴⁾ заметил я.

— Хуже еще. Каким-то особенным, выдуманым языком. Скажите пожалуйста, вы сами постоянно в Петербурге живете?—спросил И. С.

— Нет, я приезжаю сюда только по зимам и ненадолго, за исключением нынешнего раза.

— А за границу собираетесь?

— В конце этого года думаю съездить в Париж.

— Когда именно? Летом или позже?

— Хотелось бы в августе или сентябре.

— Приезжайте. Я вас познакомлю со всеми тамошними молодыми поэтами. Это—хороший, милый народ, веселый и искренний. Вам будут рады. Я люблю французскую молодежь, только одно мне в ней не по вкусу: ни один из нее не может обойтись без женщины-самки. Есть у меня один знакомый, молодой поэт Maupassant³⁵⁾—его настольной книгой является такая вещь, про которую просто неприлично, собственно, упоминать. И это все почти такие. Влюбляться—влюбляются, но как бы совестятся сознания этого, а любовную, так называемую у нас, благородную интригу—сейчас на показ и хвастают ею. Старикам еще это туда-сюда, как воспоминание об ушедшей юности, жаждав-

³²⁾ В переводе *Апухтина* приобрела широкую известность в России.

³³⁾ Не эклога-ли Малларме „L'après midi d'un faune“, вышедшая отдельным изданием в 1876 г.

³⁴⁾ О *Соколовском* см. в „Былом и Думах“ Герцена (ч. I, гл. XII), в „Литературных воспоминаниях“ Панаева (ч. I, гл. IV) и в воспоминаниях Сатина в I томе издания „Русские пропилеи“. Поэма Соколовского „Хеверь“ была издана в 1837 г.

³⁵⁾ В 1879 г. Мопассану было 29 лет. В то время он писал преимущественно стихи.

шей всякого рода ощущений и приключений, ну, а молодому—право, не понимаю, зачем это? Если приедете в Париж зимой, то найдете меня № 50, Rue de Douai, а летом—в Буживале, это недалеко от Парижа. Да вот, я вам сейчас его запишу.

И, достав карандаш, Тургенев записал свой адрес на визитной карточке и отдал мне.

Пока он отыскивал карточку, я успел бросить беглый взгляд на окружающую обстановку. Номер был скромный, рубля в три; кровать отгорожена ширмочками; против стола, за которым я сидел, стоял комод, заваленный книжными приношениями; налево — небольшой письменный стол с пачкой французских писем и злосчастной брошюрой Цитовича³⁶).

Разговор затянулся чуть не на целый час. Я раскланялся.

— Очень рад знакомству с вами—сказал Тургенев, пожимая мне руку. Кстати, позвольте ваш здешний адрес,—и записал его в свою памятную книжку.

Перед уходом я попросил у него на память карточку.

— Если будете сниматься, И. С.,—сказал я,—то дайте мне карточку, на память.

— А вот, постойте.—Он вынул из стола целую пачку портретов, снятых проездом в Москве, работы известного Дьяговченки.—Выбирайте любую. Они не совсем похожи: я все какой-то грустный выхожу на них, но лучше нет,—и он присел к столу сделать надлежащую в этих случаях надпись.

Я поблагодарил, пожал еще раз руку и вышел.

Третий раз я видел И. С. Тургенева в пятницу, 16-го марта 1879 года, после литературного вечера в Благородном собрании³⁷). На вечере я сам не был. Женщины поднесли И. С. венок, перед принятием которого он невольно сделал недоумевающий курьезный жест и начал раскланиваться. Публика помирила его с Достоевским, заставив выйти обоих рука-об-руку³⁸).

Только что кончился вечер, я встретил у Полицейского моста Ел. Эрн. Вашкевич (молодую женщину-медика) и мы отправились к Гайдебуровым, куда была кстати, как я узнал перед этим, перенесена пятница Я. П. Полонского (он читал в собрании своего „Казимира“).

У Гайдебуровых (на углу Ивановской и Кабинетской улиц) собралось много самого разнохарактерного народа. Первые знакомые

³⁶) В 1878 г. вышло несколько брошюр П. П. Цитовича. Крайне резкий отзыв Тургенева об одной из брошюр—в письме его к Стасюлевицу („Стасюлевич и его современники“, т. III).

³⁷) В пользу Литературного фонда. Тургенев читал с Савиной 15-ое и 16-ое явления „Провинциалки“ и, кроме того, „Бирюка“.

³⁸) За два дня перед тем, 13 марта, на обеде, устроенном в честь Тургенева литераторами, учеными, художниками и артистами, демонстративное поведение Достоевского обратило на себя общее внимание.

лица, которые мне попались, не считая хозяина и хозяйки, были старик Золотарев (Ив. Фед.) и Тургенев. Последний был, очевидно, в духе, но, благодаря тому обстоятельству, что вечер был не у Полонского, сравнительно мало говорил. Вдобавок скоро явился мизерный по наружности Достоевский. Я больше года, как не видал его. Он похудел; нос как-то заострился, то же трусливое выражение нецветного лица, как и тогда. Он вошел и сделал как-то недоумевающе общий поклон, точно боясь, что никто или многие на него не ответят. Вообще он, должно быть, страшно подозрителен. На пятницу пригласила его Жозефина Антоновна³⁹⁾. Он согласился, а Яков Петрович мимоходом шепнул жене, зачем она пригласила, зная, что Тургенев будет и произойдет неприятная сцена. Достоевскому сейчас кинулось в голову, что Полонский не желает быть знакомым, сделал жене замечание по поводу его и пр., рассердился и начал везде распространяться о том, что его нога больше не будет у Полонских. Яков Петрович был вынужден ехать и лично объяснить дело на чистоту. Только тогда Достоевский поверил и приехал. Я заметил в голосе Достоевского странности болезненные, нервные ноты. Весь организм его явно расшатан до невозможности, и довести автора „Преступления и наказания“ до слез — ничего, я думаю, не стоит.

Я забыл упомянуть о том, что при входе невольно обратил внимание на одну молодую хорошенькую даму в черном бархатном платье, в перчатках, с огромным, несколько раз охватывающим руку, браслетом и боковым пробором на каштановой головке. Это сидел оригинал того самого мастерского портрета, который я на днях видел на Передвижной выставке (Юлия Петровна Маковская, жена художника). Она изображена на портрете в каком-то ярком пунцовом берете с грудью, сплошь покрытой кружевами. Тот же характерный, немного с одной стороны открытый, рот, хорошие глаза, несколько вздернутый нос и довольно наивное общее выражение лица.

Рядом с ней сидела актриса Савина, игравшая в этот вечер с Тургеневым „Провинциалку“. Красивая женщина с умным и симпатичным лицом, обладающая манерами хорошей актрисы и, судя по многому, знающая себе цену.

Вскоре после моего первого беглого осмотра вошла Дарья Михайловна Леонова⁴⁰⁾, которая имеет вид женщины лет за сорок, хотя на самом деле ей, кажется, 55 лет. Она недавно вернулась из кругосветного артистического путешествия по Китаю, Америке и Японии. Фигуры Тургенева, вставшего ей навстречу, и Д. М. Леоновой были обе до крайности оригинальны. Представьте себе высокого, несколько наклонившегося старика с большой седой головой, с необычайно милым, до детскости, лицом и печатью какой-то особенной аристократической простоты талантливого образованного человека, а перед ним

³⁹⁾ Ж. А. Полонская — жена поэта Я. П. Полонского.

⁴⁰⁾ Д. М. Леонова пела на сцене Мариинского театра с 1852 по 1873 г. Ее воспоминания в „Историч. Вестнике“, 1891 г., №№ 1 — 4. См. о ней: *Римский-Корсаков*, *Летопись моей музыкальной жизни* (гл. XVI).

толстую-претолстую, в черном бархате, декольте Леонову, среднего роста, принужденную глядеть вверх и говорящую: „Здравствуйте, Иван Сергеевич! Очень рада, что наконец опять увидела вас!“. Она была настолько любезна, что много пела. Голос у нее остался, но комнатный, или для небольшого театра. Поет она, как встарину, театрально, с большим выражением, только для пения любовных романсов—стара, и во время пения лучше смотреть не на нее, а в сторону. Небольшой перламутровый веер ходит постоянно в руках. Мне особенно понравилась, переложенная на музыку, байроновская вещь: „Душа моя мрачна“⁴¹⁾.

Тургенев и Достоевский уехали после чая; кажется, с ними же скрылся и М. М. Стасюлевич, что-то нашептывавший Ивану Сергеевичу. Савина тоже уехала.

После легкой выпивки и закуски подали ужин, обильный и с достаточным количеством вина. Ужинали на два стола; даже накрыт был небольшой третий, но неизвестно для кого—он остался пустым. Я спросил у Жозефины Антоновны (которая, замечу, была в этот вечер прехорошенькая), нельзя ли устроить уголок Полонских, подразумевается—из знакомых Полонских, и мы сели втроем на одном конце стола (ближе к входу): она—с правой стороны от меня, а за ней—Аленицын⁴²⁾. Всех гостей было человек за 30. Перечислю их по порядку, насколько помню.

Налево от меня сидел Червинский⁴³⁾ (молодой человек, писавший, как после оказалось, в „Неделе“), черненький малоросс, очень невзрачный, но почему-то все подливавший мне вина и говоривший об искусстве. За ним А. Потехин, Плещеев, Пыпин, кажется, Гаевский⁴⁴⁾, К. Маковский (хороший голос), И. Золотарев (член Славянского комитета—сердце Жуковского и душа Одоевского), Я. П. Полонский, Д. М. Леонова, Ю. Маковская, неизвестный молодой человек, аккомпанировавший Леоновой на рояле, м-ме Ватсон⁴⁵⁾, м-ме Вашкевич⁴⁶⁾ и композитор Рубец⁴⁷⁾, уморительный, маленький и толстый мужчина.

На другом заднем столе помню Л. Полонского⁴⁸⁾, с круглым лицом и широкой черной эспаньолкой под нижней губой. Больше не помню. Вероятно, это были люди, вовсе не причастные литературе.

По мере того, как выпивалось, разговоры становились шумнее, начали провозглашать тосты, благодаря которым и выяснились фамилии лиц, мне до той поры неизвестных. Чуть-ли не первый тост

41) Вероятно, „Еврейская песня“ Балакирева.

42) В. Д. Аленицын, известный зоолог.

43) П. П. Червинский—земский статистик. С 1875 по 1880 г. в „Неделе“ помещал статьи преимущественно по вопросам провинциальной жизни, за подписью П. Ч. «Черниговец».

44) В 1879—1881 г.г. В. П. Гаевский был (вторично) председателем Комитета Литературного фонда.

45) М. В. Ватсон—известная переводчица.

46) Упоминаемая выше Е. Э. Вашкевич, „женщина-медик“.

47) А. И. Рубец, музыкальный писатель и собиратель народных песен.

48) Л. А. Полонский с 1868 по 1880 г. вел внутреннее обозрение в „Вестнике Европы“.

предложил Я. П., заявив желание, чтобы в будущем году было целых 52 недели (газета „Неделя“ была остановлена на три месяца, и 1-го апреля выходил положенный срок). Кто-то предложил тост за здоровье Маковского. Полонский воспользовался этим и пригласил всех выпить за здоровье той, которая его вдохновила. Я, признаюсь, был очень рад, что Я. П. нашел удобный случай не миновать такой хорошенькой в своем роде женской головки.—„Посмотрите,—говорил я Жозефине Антоновне,—какой оригинальный костюм, прическа и все. Очевидно, кокетничает и одевается нарочно не столько модно, сколько художественно. Жаль, что она—не литератор и не живописец, а то бы следовало провозгласить в честь ее особый тост“. Когда желанный тост был произнесен, и руки присутствующих потянулись к Маковской, Жозефина Антоновна заметила про находчивость своего мужа. Всех тостов было, я думаю, до двадцати. Помню, что я предложил его за здоровье Дарьи Махайловны Леоновой, что вызвало общее искреннее единодушие. Пили за Полонского, за весь прекрасный пол (тост Я. П. опять), за Червинского (предложил Гайдебуров), как за автора статьи о деревне, произведшей сенсацию, за А. Потехина, Плещеева, Ватсона ⁴⁹⁾ и м-ше Ватсон, м-ше Вашкевич, как молодого медика (ее так и Тургеневу представили). Я встал опять, чтобы выпить за Золотарева, и вдруг слышу с противоположного конца стола голос Полонского: „Уж пили, пили. А вот,—продолжал он,—я предлагаю, г.г., тост за здоровье Дмитрия Николаевича Садовникова, как собирателя памятников народного творчества и будущего литератора“. Кто-то сказал: „Вот это так, это следует“. Я не мог не улыбнуться,—и началось чоканье. Прежде всех подошел сияющий добродушием Золотарев, указав на то, что собирать это — редкость в нынешнее время: все больше расточают; затем Полонский, сосед Червинский, Потехин, Плещеев и много женских рук потянулось с другого конца стола (Вашкевич, Ватсон и пр.), После тоста, предложенного за новоявленного беллетриста Л. Полонского, написавшего „Надо жить“ ⁵⁰⁾, автор встал и произнес тост, содержание которого было следующее: „Г.г., я согласен, что надо жить, но при настоящих условиях жить трудно, и потому предлагаю выпить за русскую свободу“. Оставалось собственно вслед за этим выпить за здоровье тех, кто, лишен ее, но такого тоста не было. После ужина опять пела Леонова (пел до этого тенором и Маковский). Вечер кончился около четырех часов.

Тургенев должен был уехать в воскресенье.

Д. Н. Садовников.

—*—

⁴⁹⁾ Э. К. Ватсон, известный журналист.

⁵⁰⁾ Повесть была напечатана в 1878 году в декабрьской книжке „Вестн. Европы“, за подписью Лукьянова. Очень сочувственные отзывы в письмах Тургенева и Анненкова к Стасюлевичу („Стасюлевич и его современники“, т. III).

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова
и Юлия Гессена.

3

Издательство „ПЕТРОГРАД“
ПЕТРОГРАД — МОСКВА
1923

Встречи с И. С. Тургеневым.

„Пятницы“ у поэта Я. П. Полонского в 1880 году ¹⁾.

31-го января 1880 года ²⁾ я печально встретил Тургенева на углу Большой Морской улицы, рассеянного и чего-то ищущего, в довольно холодном пальто, красном шарфе и меховой шапке. Я узнал его по фигуре сразу, несмотря на то, что увидел на первых порах всего спину и седые волосы. Остановился он в Hôtel de la Paix и, видимо, тяготясь визитами дам и девиц, которые прикладываются к ручке, не разглашал своего адреса.

В пятницу 1-го февраля, часу в одиннадцатом, он приехал к Полонскому и провел у него весь вечер, часу до второго. В этот вечер посетителей было не особенно много: человек 15, едва-ли больше. Был и Григорович, но не в духе, с головной болью. Находились такие, которые объясняли это не более, как ожиданием Тургенева, который любит говорить и своим появлением отвлекает внимание от Дмитрия Васильевича. В дамском кружке, заседавшем в гостиной, я застал его горячо нападавшим на женщин за их желание быть прежде всего учеными. М-те Ф., особенно горячо принимавшая его слова к сердцу, и сама кипятилась, и кипятила Григоровича, который деликатным, но категорическим образом бранил женщин, лишенных так называемой женственности. В конце концов Дмитрий Васильевич ушел в кабинет, а затем приехал Тургенев, когда уже все сидели за чаем. Постараюсь припомнить и набросать то, что помню.

Яков Петрович говорил про Тургенева, что тот необыкновенно был доволен, когда, приехав в Берлин, увидел, как выгружают привезенные (несколько тысяч) кусков горельефов из окрестностей Трои. Их привезли на кораблях. Горельефы изображают борьбу богов с титанами (произведения Фидиаса). Есть очень крупные куски, величиной с порядочную комнату. Из фигур хороша Гейя, в ужасе выходящая по грудь из земли. Все боги в сборе. У титанов вместо ног змеи. Среди сражающихся—орлы. Один орел изображен вцепившимся в подбородок. Все необыкновенно энергично, смело.

¹⁾ См.: Встречи с И. С. Тургеневым. „Пятницы“ у поэта Я. П. Полонского в 1879 г. („Русское Прошлое“, кн. 1).

²⁾ В „Хронологической канве“ Гутьера указано, будто Тургенев приехал в Петербург 2-го февраля.

Я,—говорил Тургенев,—благодарственно перекрестился, увидав случайно такое высокое произведение классического искусства³⁾. Природой на охоте я любоваться не могу — это все вздор: ею любишься, когда ляжешь или присядешь отдохнуть после охоты. Охота—страсть, и я, кроме какой-нибудь куропатки, которая сидит под кустом, ничего не вижу и не могу видеть. Тот не охотник, кто ходит в дичные места с ружьем любоваться природой. Я теперь старик; лет пять назад, когда птица, я видел, сидела недалеко от меня (будь она в клетке—я к ней равнодушен), и я знал, что собака ее отыщет, сделает стойку, сердце билось 180 раз в минуту. Страсть—дело темное. Спроси себя, почему тебе что-нибудь приятно, и через минуту тебе приятно не будет.

Зашел разговор о музыке.

— Из теперешних наших композиторов, по-моему, всех оригинальнее Чайковский. После Глинкавской музыки его романсы занимают первое место⁴⁾.

Полонский заметил, что ему не все правятся и что именно „Нет, только тот, кто знал“, указанный Тургеневым, не правится в числе других.

— Музыка Чайковского очень правится и в Париже, она вошла в моду. А Глинкавское „Славься“⁵⁾ я слышал в Трокадеро,—так оно произвело такое впечатление, которое я не знаю, с чем сравнить. Ну, понимаете ли, тут я вижу на сцене этих бояр пузатых, этого Михаила Федоровича, и лицо у него глуповатое, и все колокола звонят. Но я готов на колени перед всем этим упасть. Вот какое впечатление. Ну, я хоть русский, а французы в исступлении.

— Да,—заметил сидевший напротив Григорович,—удивительное дело: приходилось мне встречать многих иностранцев, знающих музыку, и что же им всего больше правится? — Паша „Аскольдова могила“. О, говорят, это национально. Раз я слышал всего „Рогнеду“ Серова, и до того это скучно. По-моему, художественное произведение должно действовать непосредственно, а что это?

Тут зашел вообще спор о Серове, в котором приняли главное участие Алепицын и Чуйко⁶⁾.

³⁾ Речь шла, конечно, о знаменитых Пергамских горельефах, найденных Гуманом при раскопках в 1878—79 г.г. Тургенев видел их в Берлинском музее в январе 1880 г. Едва ли он мог говорить, что сцены из „гигантомахии“ являются произведениями Фидия и найдены в окрестностях Трои. В его известном письме о Пергамских раскопках нет этих ошибочных утверждений. О том, как Тургенев рассказывал о Пергамских горельефах, см. А. Ф. Конц, „На жизненном пути“, т. II.

⁴⁾ Первые шесть романсов Чайковского (opus. 6) были изданы в 1869 г. Отзыв Тургенева об этих романсах в письме к М. А. Милютиной, написанном в апреле 1871 г. (см.: „Первое собрание писем Тургенева“, стр. 192). Из „молодых русских композиторов“ того времени Тургенев признавал „положительно талантливыми“ только Чайковского и Римского-Корсакова. См. Стасов, Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним („Сев. Вестник“, 1888 г., № 10).

⁵⁾ Из финала „Жизнь за царя“.

⁶⁾ В. В. Чуйко, известный литературный критик.

— Мне припомнился один анекдот,—тихо начал Тургенев,—про какого-то человека, который служил и которого кто-то спросил, нажил ли он состояние.—Нет,—отвечал тот.—Ну, на вашем месте я бы не так поступил: дали бы мне казенного козла за хвост подержать, я бы три каменных дома выстроил.—Так вот, я недавно слышал, как этот козел, которого держат за хвост, кричал, и это—наш Коммиссаржевский ⁷⁾.

Конец вечера почти весь занял разговор Тургенева о Пушкине с Незеленовым, который читает о нашем поэте лекции ⁸⁾. Оказывается, что у кого-то уцелел план исторического романа, где главное действующее лицо—Пельмов, из побочных выведены Орловы и другие некоторые из декабристов; затем у офранцузившихся сыновей ⁹⁾ Пушкина много (до 20) писем Пушкина, которые Тургенев просил передать ему ¹⁰⁾, но те почему-то тянут, не отдают, а только обещают; что в письмах Пушкина из Кишинева проза сменяется стихами эротического, легкого содержания; некоторые стихи значительного объема,—есть один в 24 строки.

— Просил дать списать—не соглашаются. Письма писаны поэтом, когда он был еще молод, и все написанное полно какой-то особенной поэтической прелести, как и все написанное им. Я—ученик Пушкина, и у меня всегда было страстное желание, если напишу что-нибудь хорошее, посвятить памяти Пушкина. Теперь мне 61 год, много вещей уже написано, но я всякий раз говорил себе: нет, еще рано,—вот напишу что-нибудь получше. Итак, вот до сих пор не нашел ничего достойного его памяти. Заметьте, что у них (у молодых Пушкиных) до 3000 писем разных лиц, и никто не знает их содержания. Все это может пропасть, как и пропадает.

Незеленов заметил на это, что вот так пропала, например, переписка между Витбергом и Герценом ¹¹⁾.

— Ты будешь, Яков Петрович, — обратился Тургенев к Полонскому,—в Москве ко дню открытия памятника Пушкину?

— Может быть, если удастся.

— Как же тебе не быть! Поэту—и не быть! На юбилей Шиллера написал стихи ¹²⁾; совестию будет промолчать об открытии памятника

⁷⁾ Ф. П. Коммиссаржевский, знаменитый в свое время тенор, служивший в Мариинском театре с 1863 г., в 1880 г. „оставил сцену, не дождавшись окончательно упадка голоса“ („Хроника петербургских театров“ Вольфа).

⁸⁾ Публичные лекции Незеленова о Пушкине вошли затем в его книгу „А. С. Пушкин в его поэзии“. (Спб., 1882 г.).

⁹⁾ Несовсем понятно, почему сыновья Пушкина, воспитывавшиеся и служившие в России, названы „офранцузившимися“. В 1879 г. А. А. Пушкин был командиром 13 гусарского Нарвского полка, а Г. А. Пушкин — состоял причисленным к министерству внутренних дел.

¹⁰⁾ В 1878 г. Тургенев, с разрешения дочери Пушкина гр. Н. А. Мренберг, напечатал в „Вестнике Европы“, со своим предисловием, письма Пушкина к жене.

¹¹⁾ Письма А. Л. Витберга к А. И. Герцену напечатаны в № 12 „Русской Старины“ за 1897 г. Письма Герцена к Витбергу — см. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем (под редакцией М. К. Лемке), т. II и след.

¹²⁾ Стихотворение Полонского „Юбилей Шиллера“ было написано в 1862 г.

Пушкину, положительно совестно ¹³⁾.—А вы любите Пушкина?—обратился он к одной молодой литераторше, немножко ломающейся брюнетке маленького роста и с округленными движениями. Та ответила, что—да, но так ответила, что я уверен—она соврала.

— Это хорошо,—заметил Тургенев. Недавно в Париже в общей карете мне пришло сильное желание декламировать русские стихи и я, забывшись, начал свою декламацию. Публика была, понятно, удивлена, с кем это я говорю. Это вышло так смешно.

Говорят, наследник спросил Тургенева, почему он не был на юбилее Крашевского. „Для того, чтобы избежать превратных толкований“,—отвечал Тургенев.—„И хорошо сделали“ ¹⁴⁾.

И. С. необыкновенно высокого мнения о женщинах. Они ему навязываются со своей дружбой, и как-то дико слышать, например, о переписке его с Б-ской, девицей-курсисткой, которая взяла Тургенева, можно сказать, нахрапом во время одной из оваций, сказавши речь. Женщины (Стрепетова ¹⁵⁾ и другие) целуют у него при встрече руку, как у отца.

Когда разговор шел о неоригинальности нашей современной музыки, кроме Чайковского, Тургенев сделал очень меткое замечание на рассказ Григоровича об „Аскольдовой могиле“. „Нам, русским,—сказал он,—Глинка и даже Верстовский нравятся потому, что они близки, а иностранцам—потому что далеки от них“.

22-го февраля. Из гостей, более или менее достойных наблюдения, были двое: Достоевский и Тургенев. Первый явился с академиком Сухомлиновым, и в передней слышно было лобызание с Яковом Петровичем. Достоевский, видимо, был в духе, видя, во-первых, такое внимание, да, может, еще под впечатлением чего-либо предшествовавшего. Я не люблю его и остался в кабинете.

— М-г Садовников!—слышу голос Я. П.—Что вам угодно?—отвечаю и иду.—Вы знакомы?—спрашивает Я. П. Я нарочно отвечаю:—Нет, не знаком. Происходит рекомендация и рукопожатие. Длинный Сухомлинов отрапортовывает про себя сам. Я кланяюсь. Разговор заходит о Млодецком, который казнен сегодня утром ¹⁶⁾. Достоевский был на казни.

¹³⁾ В день открытия памятника Пушкину, 6 июня 1880 г., Полоцкий прочел в заседании Общества любителей российской словесности свое стихотворение „А. С. Пушкин“.

¹⁴⁾ Юбилей Крашевского был отпразднован в сентябре 1879 г. в Кракове. Тургенев, получивший приглашение на юбилей через Спасовича, отправил ему письмо с выражением сожаления, что не может явиться лично приветствовать юбиляра (письмо напечатано в ноябрьской книжке „Вестника Европы“ за 1879). Из писем Тургенева к Стасюлевичу („Стасюлевич и его современники“, т. III) выясняется его опасение, что юбилейное торжество примет характер австрофильской демонстрации и что участие в этом торжестве поставит его в фальшивое положение. См. *Н. В. Берг*, Воспоминания о Тургеневе („Истор. Вестн.“, 1883 г., № 11).

¹⁵⁾ Вероятно, известная драматическая актриса Стрепетова, с 1881 г. игравшая в Александринском театре.

¹⁶⁾ Гр. Лорис-Меликов 12 февраля 1880 г. был назначен „главным начальником верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия“. И. О. Млодецкий 20 февраля 1880 г. стрелял в Лорис-Меликова. 22 февраля он был повешен по приговору военно-окружного суда.

— Правда ли,—говорю я, обращаясь к Достоевскому,—что сегодня на Семеновском плацу было второе покушение на Меликова? Рассказывали так, что будто кто-то выстрелил, затем хотел застрелить себя и не успел. После чего взяли еще шесть человек с револьверами, по показанию мальчика.

— Нет-с, это все городские слухи. Если бы проследить весь рост этих слухов с утра и вплоть до вечера, это представило бы интерес. Я был свидетелем казни. Народу собралось до 50.000 чел.¹⁷⁾

Вообще мне не понравилось какое-то совершенно холодное отношение автора „Мертвого дома“ к казни живых людей, и самое появление его на месте казни объясняю, как желание извлечь нечто для своих патологических сочинений последнего времени, в которых один Венгеров¹⁸⁾ находит что-то даже гениальное.

За вечерним чаем я не слушал рассуждений Достоевского, потому что сам увлекся одним спором, где дело шло о том, насколько тождественно устройство государства с устройством человеческого организма, насколько глас народа—Божий глас, и пр. Участниками были, конечно, Аленицын (слева) и Чуйко, сидевший справа. Отрывок из разговора с той стороны помню один: Достоевский порицал женщин, которые говорят, что не могут смотреть на казнь, жалуясь на нервы, и пр. Вскоре после чая он ушел. Прибывший Золотарев сообщил, что он сегодня был у Лорис-Меликова, облобызался с ним и что тот здоров. Он сильно обрадовался зародившейся мысли основать кружок любителей поэзии—Пушкинский кружок¹⁹⁾, план которого я развил ему в нескольких словах и о котором мы много говорили с Чуйко.

— Помилуйте,—начал он,—да я...—Вы стариков принимаете?

— Сколько угодно, И. Ф.

— Так я ваш член. Лиценсты все пойдут. Потом позвольте, еще живы его товарищи, двое: канцлер и (фамилию я забыл)...²⁰⁾ А Грот! он обожает Пушкина²¹⁾. Трех я найду сейчас.

Я просил его пропагандировать эту мысль между знакомыми.

Часов в 11 или позже приехал Тургенев и, признаюсь, в очень неудобную минуту, именно в ту, когда Ньюкутовская²²⁾ начала играть Те Деум Гайдна, который я нарочно послал ей с просьбой разучить. Музыка прекратилась, и И. С. стал некоторого рода центром, около

¹⁷⁾ Подробное описание казни Млодецкого см., напр., в № 54 „Голоса“ за 1879 г., в отделе хроники.

¹⁸⁾ С. А. Венгеров в 1879—80 г.г. печатал критические статьи в „Неделе“, „Русском Мире“ и „Слове“.

¹⁹⁾ Основанный по мысли Д. Н. Садовникова, Пушкинский кружок существовал некоторое время и после его смерти. Об истории кружка—см.: Л. Е. Оболенский, „Литературные воспоминания“ („Ист. Вестн.“, 1902 г., № 2).

²⁰⁾ Товарищ Пушкина по лицу князь А. М. Горчаков был канцлером с 1867 г. Из товарищей Пушкина по лицу, кроме Горчакова, в феврале 1880 г. был жив еще С. Д. Комовский, скончавшийся в июле того же года.

²¹⁾ Я. К. Грот, несколько позднее (в 1887 г.) издавший свою известную книгу „Пушкин, его лицейские товарищи и наставники“.

²²⁾ А. Ю. Ньюкутовская, пианистка.

кого сгруппировалось, уселось все. Он был в особенном духе и только-что вырвался из театра, где шел „Купец Калашников“²³⁾.

— Ну, я вам должен одно сказать: блаженны те, которые не слышали „Купца Калашникова“. Это такая вода, десятая вода с Мейербера, что представить трудно. Все до отвращения скучно, бесцветно. Видно, что человек знает только музыкальную грамматику, а вдохновения никакого.

Тургенев всегда с увлечением говорит о музыке и вообще об искусстве.

— Увертюры не застал. „В „Майской ночи“²⁴⁾, например, прекрасный по грации, мелодичности 1-й акт, два остальные никуда не годятся, но по крайности первый, а здесь ни одного. Второй как будто получше, но все это—опять рабское подражание Мейерберу.

Раздалось несколько голосов за то, что в „Майской ночи“ есть и в остальных актах хорошие места.

— Я откровенно вам говорю, что не вижу. Вижу я одно, что даровитый русский человек написал 1-й акт, а в 3-м вышел и сам облил себя с головы до ног помоями. Вот, мол, вам. Эти как столбы расставленные малороссы, бабы с трясущимися телами, этот хор, кричащий: „а! а! а!“ . Что это такое? Неужели нельзя было этого избежать? Я бы на его месте 3-й акт весь поставил инструментальный, так только несколько хоров в двух-трех местах — и довольно. А в „Калашникове“ эта Макарова²⁵⁾ с таким голосом, что от него у слушателя могут появляться на теле струпья, лишай и Бог знает что, вместо эстетического удовольствия. Корсов²⁶⁾—хороший голос, да по-русски как-то странно говорит—точно по-итальянски. Сначала заведет: „а! и! о! у! уа!“ и вдруг хватит „мотри“. У Орлова²⁷⁾ тоже хороший голос, но у него каких-то две картофелины сидят—одна вот тут, другая—тут (Тургенев показал на горло), и он точно старается при пении, чтобы они выскочили, а те не выскакивают. И на мое несчастье, рядом в ложе сидела м-ше Абаза²⁸⁾ с какими-то восторженными любительницами и все обращалась ко мне: „Хорошо-ли“? Я, не зная, что отвечать, сказал ей, что молчать считаю за лучшее.

От русской музыки разговор перешел к французской.

— У них есть теперь молодой многообещающий талант —это Годар. Он написал „Тассо“, где странички четыре, изображающие безумие Тассо,—гениальны. Затем у него есть еще „Диана“, нечто вроде оратории, где он изображает охоту богини в греческих горах. Кроме того, как известно, у французов есть Сен-Санс и Бизе.

²³⁾ „Купец Калашников“ А. Рубинштейна был поставлен впервые 22 февраля 1880 г. На этом представлении и был Тургенев. После второго представления опера была запрещена цензурой к постановке.

²⁴⁾ „Майская ночь“ Римского-Корсакова была поставлена впервые 9 января 1880 г.

²⁵⁾ Сопрано Макарова пела на сцене Мариинского театра с 1879 г.

²⁶⁾ Баритон Корсов (настоящая фамилия — Геринг) пел на сцене Мариинского театра с 1879 года.

²⁷⁾ Тенор Орлов пел на сцене Мариинского театра с 1869 г.

²⁸⁾ Ю. Ф. Абаза, супруга министра финансов.

— Ну, а как, скажите, И. С., драматическое искусство в Париже? Что это за пьеса: „Les Mirabeaux“?—спросил Золотарев.

— Это из незаметных вещей, которые являются десятками, выдержат 30—50 представлений и исчезают. Пьесы, в которых все уже заучено, как должен говорить любовник, как злодей,—причем он произнес для иллюстрации уморительно неестественным голосом один монолог, начинавшийся так: „Voilà le roignarrd!“ Что касается до мужского персонала, то он хорош; женский—слаб.

— А Сара Бернар?—раздались голоса.

— Да что же Сара Бернар? У нее прекрасная дикция ²⁹⁾.

— И неприятный голос,—добавил Чуйко, оставший когда-то с ней на воздушном шаре и выдавший ее в Париже еще не во дни славы ³⁰⁾.

— Да и при том главное—шик. Худа она, как спичка—это шик, так все находят. Ходит, как курица, и все стараются подражать ей, находя такую походку прекрасной. На голове носит какое-то длинное перо, которое качается из стороны в сторону, и это—шик. Вот и все. А подобного, например, Рашель—ничего нет теперь в Париже. Актеры—ссть. Например, Дюпюи так играл в „Набабе“, что, я вам скажу, он мне напомнил нашего Мартынова, и я, как-то встретясь с Доде, сказал ему: передайте Дюпюи, что один русский находит в его игре нечто, напоминающее игру русского актера Мартынова. После встречаемся опять, и Доде говорит:—А знаете что? Я сказал Дюпюи и не ожидал, какое действие произведет на него ваше замечание. Он побледнел и спросил: неужели он это сказал? неужели это так? Он, оказывается, видел игру Мартынова и даже был знаком с ним и считал его за великого артиста ³¹⁾.—Ах, это, действительно, был удивительный человек. У него не один комический, но и драматический талант был огромный. Я помню его в одной пьесе („Чужое добро в прок не идет“). Он играл, не помню имя, человека, под влиянием выпитой водки решающегося на убийство ³²⁾. Так до крика страшно было смотреть на это вдруг изменившееся лицо. А „Знакомые незнакомцы“, где он так копировал Н. П., что тот смеялся до слез ³³⁾. Ему часто приходили

²⁹⁾ Резкие отзывы Тургенева о Саре Бернар неоднократно встречаются в его письмах („Первое собрание писем“ и письма к Стасову в „Сев. Вестн.“, 1888 г., № 10). См. также воспоминания Стелькина о Тургеневе (Спб. 1903 г.).

³⁰⁾ В. В. Чуйко, учившийся в Сорбонне, в 60-х г.г. жил в Париже.

³¹⁾ С 1860 до 1877 г. Дюпюи играл в Михайловском театре в Петербурге. Дюпюи не мог видеть Мартынова, так как дебютировал в Петербурге в сентябре 1860 г., т.е. уже после смерти Мартынова. Вероятно, он слышал о нем от своих товарищей по сцене. Мартынов пользовался большим вниманием и уважением со стороны французских актеров Михайловского театра (Панаев передает восторженные отзывы о его игре Аллана и Лаблаша; Невиль говорил речь на его похоронах).

³²⁾ Пьеса Потехина, поставленная впервые в 1855 г. Мартынов играл роль ямщика Михайлы.

³³⁾ „Знакомые незнакомцы“—водевиль Каратыгина, написанный в 1830 г. В водевиле выведены под именами Сарказмова и Баклушина Булгарин и Полевой. Н. П.—ис Николай ли Полевой? Предположение, что это император Николай Павлович (см. в „Хронике“ Вольфа рассказ о том, как Мартынов изображал государя, по его требованию) не находит себе подтверждения в содержании водевиля.

удивительные фантазии совершенно экспромтом. Например, был случай. Он, ведь, сильно пил и часто не учил ролей. Надо было участвовать в одной комедии, а он ни в зуб толкнуть.—Как же вы?—спрашивает его режиссер.— А вот что: перед тем, как мне выходить, подойдите ко мне и спросите: ваше превосходительство, не угодно ли вам трубку? Не беспокойтесь!— Действительно, приходит время выходить, режиссер или кто другой подходит и предлагает ему этот вопрос: не угодно ли, ваше превосходительство, трубку?— А, трубку! подай, братец! И с этой трубкой выходит на сцену. Вся эта сцена буквального молчания, хождения и раскуриванья трубки (для того, чтобы выиграть время и послушать суфлера) до того понравилась публике, что после пьеса всегда шла с трубкой³⁴). В последний раз я встретился с ним в Риме, где был в то время и Некрасов. Еще я помню, писал тогда Герцену, что Некрасов в Риме, и получил в ответ: „Некрасов в Риме. Это все равно, если бы кто-нибудь мне сказал, что жука в опере“.

Я сообщил экспромт Некрасова, нигде ненапечатанный и где он сравнивает себя с ежом.

— Ну, а Щепкин?³⁵—спросил Золотарев.

— Что ваш Щепкин перед Мартыновым! В отрезанном ногте Мартынова было больше таланта, чем во всем Щепкине.

— Помилуйте, И. С.!

Тургенев горячо стал доказывать, что Щепкин был только талант, большой талант, но что, по собственному его сознанию, ему роль давалась лишь после 20 репетиций, меж тем как Мартынов сразу понимал ее, а играл разнообразно, руководствуясь понятым типом.

— Мартынов был необразован, но в разговорах о своем искусстве я не встречал человека более знающего, понимающего, чем Мартынов³⁶).

— А Каратыгина ты знал?³⁷—спросил Я. П.

— Да, знал. Как сейчас, помню его первое появление передо мною в роли чтеца „Медного Всадника“, во фраке и белом галстуке. За час уж он себе петровские прямые усы вывел при этом костюме— право не знаю. Это было так смешно. А чтение! Впрочем, тогда так все читали и находили это прекрасным: известное отенение, подчеркивание слов в стихах, с соответственными жестами.

На берегу пустынных волн (слово „пустынных“ протяжно)

Стоял он (крик) дум великих полн

И вдаль (движение рукой) глядел.

При словах „утлый челн“ лицо приняло выражение какое-то жалостное и в голосе та же нота. При словах „в тумане спрятанного солища“ опять жест правой рукой, которая как бы что-то прячет или

³⁴) Эпизод с трубкой относится к водевилю Акселя „Приключение в Полуострове“, поставленному впервые в сезон 1847 — 8 г.г. О нем рассказывает и Вольф в своей „Хронике“.

³⁵) М. С. Щепкин умер в 1863 г.

³⁶) Ср. восторженный отзыв Тургенева о Мартынове в предисловии к „Собранию сцен и комедий“, написанном в 1879 г.

³⁷) В. А. Каратыгин умер в 1853 г.

втыкает в этот туман ³⁸). И нравилось! Впрочем, и Бенедиктов тогда правился—„пройду пятою по главам“ и „побеги праха“ ³⁹).

— Как же,—заметил Я. П.,—наш рязанский учитель словесности ⁴⁰) ставил его выше Пушкина, говоря, что после Бенедиктова Пушкина читать нельзя.

— А Кукольники, Брюлловы разве не то же? Когда выставили „Последний день Помпеи“ ⁴¹) и все кругом кричали: а! а! а!, я чувствовал себя таким несчастным дураком. Мне она не нравилась, не нравились эти застывшие классические позы. Колесница почему-то посредине, тут светло, там темно, и почему это тут светло, а там темно—неизвестно. Так я думал, но когда меня спрашивали о впечатлении, я тоже кричал: а! а! а! Старый мой приятель Соллогуб ⁴²) раз повесил меня смотреть Брюлловские картоны ⁴³). Мне было что-то лѣтъ 20 с небольшим. Отправились. Помню ахи-охи и один, особенно остановивший мое внимание, очерк мелом какого-то святого; только рука у него не благословляющая, как обыкновенно, а вытянутая в ракурсе, так что зритель видит оконечности четырех пальцев и недоумевает, зачем это. Рассказывают по этому поводу целую историю происхождения картона. Прежде, говорят, на нем ничего не было. Но вот приходит Брюллов, несколько минут смотрит, хватает кусок угля, кидается к картону, тычет в одно место и отбегает взглянуть; затем во второй, третий и четвертый раз,—и вот что получается. Вот как творит гений!

Когда речь шла о Бенедиктове, я заметил, что на него несомненно оказывал сильное влияние чуждый русскому духу талант V. Hugo, и речь склонилась на последнего, на встречу с ним Тургенева и пр.

— Это—человек,—начал И. С.,—не много знающий, но лирическая сила необычайная. Одни „Châtiments“ чего стоят. Ему теперь 78 лет, что видно даже из одного его стихотворения, начинающегося словами: „Ce siècle avait deux ans“ ⁴⁴) и пр. Он бодр, постоянно здоров, хорошо ест, спит и вообще все прекрасно делает, что делают молодые люди, Совершенный юноша. Живет очень экономно, даже скупно. „Когда нездоровится—так он сам рассказывает своим знакомым—то я обыкновенно делаю так: отворяю окно, раздеваюсь догола и ночью станов-

³⁸) Этот же рассказ Тургенева о декламации Каратыгина приведен в заметке (Л. П. Майкова) „И. С. Тургенев на вечерней беседе в Петербурге 4 марта 1880 г.“ („Русская Стар.“, 1883, № 10).

³⁹) Из стихотворения Бенедиктова „Горные выси“:

„Земли могучие восстанья,
Побеги праха в небеса“

— и дальше: „Как сын небес, пройду пятою
По вашим бурным головам“.

⁴⁰) Я. П. Полонский учился в Рязанской гимназии с 1831 по 1839 г.

⁴¹) Картина Брюллова, написанная им в Италии в 1830—33 г.г., была выставлена в России в 1834 г.

⁴²) Писатель граф В. А. Соллогуб.

⁴³) „Брюлловские картоны“ — этюды Брюллова к заказанным ему в 1842 г. работам для Исаакиевского собора.

⁴⁴) Стихотворение это находится в „Les feuilles d'automne“ (1831 г.),

плюсь на подоконник, пока хорошенько не продует, потом ложусь и после этого чувствую себя прекрасно". Живет он совершенно одиноко: оба сына умерли; из двух дочерей одна утонула, другая с ума сошла. Осталось два ребенка: мальчик и девочка—внуки V. Hugo. Относительно невеликих познаний его достаточно указать на те излюбленные исторические имена, которые он постоянно приводит в своих стихах. Его любимцы: Цезарь, Данте, Шекспир, Эсхил, несколько других и какой-то Галгакюс постоянно. Один из *élèves* спросил его раз: „Mon maître, что это за Галгакюс? Вы так часто упоминаете о нем!“—„Галгакюс—право, не знаю, но это хорошо звучит“⁴⁵⁾,—ответил Гюго.—Да наконец, мое первое знакомство с ним довольно оригинально. Надо вам сказать, что он ненавидит Гете.—Что такое Гете? что написал он? Единственная вещь—это „Валленштейн“ и только. Я скромно замечаю: — Mon maître, „Валленштейн“, ведь, произведение Шиллера, а не Гете.— Ну да. Да это безразлично: он мог написать такую вещь⁴⁶⁾.

Я невольно припомнил два истинных происшествия в двух наших просвещенных редакциях: у Стасюлевича⁴⁷⁾, который заметил Астаховой, когда та принесла стихи, что из Мендельсона это переведено (стихи назывались „Gondellic“ Мендельсона), и у Елисеева⁴⁸⁾, смешавшего Курье с Фурье.

— Так не советую,—продолжал Тургенев,—никому попадать на представление „Калашникова“. Что, здесь есть знакомые Майкова?—спросил он у Я. П.

— Не знаю,—отвечал тот.—Он мой хороший знакомый.

— Ну да, твой. Так вот, видишь ли, эту оперу можно сравнить с поэмой „Княжна“ Майкова. Что понравилось бы тебе, если бы я прочел ее 5 раз сряду? Точь в точь такой же непужный набор звуков, как там рифм, и зачем этот набор — Бог весть.

Вообще, по замечанию Чуйко, Тургенев в этот вечер был как-то особенно *публичным* человеком.

Нисхождение с лестницы обошлось на этот раз, повидимому, без последствий,—недели две до этого он упал и ушиб себе ногу.

И значительно моложе был он в этот раз, чем в прошлый, живее, говорил громче и больше жестикулировал. Отзывался с похвалой о статье Анненкова в „Вестнике Европы“⁴⁹⁾, говоря, что он высказал в ней то, что до сего времени почему-то не высказывалось, и что в этом—известная заслуга. Многие оспаривали, выставляя „Воспоминания“

⁴⁵⁾ Галгакюс (по французскому произношению Галгакюс) — личность если и не историческая, то во всяком случае не вымышленная Виктором Гюго. Тацит называет этим именем одного из варварских вождей, сражавшихся с Агриколой в Британии.

⁴⁶⁾ Этот же рассказ Тургенева об ошибке Гюго приведен в заметке „И. С. Тургенев на вечерней беседе“ („Русская Старина“, 1883, № 10) и в „Воспоминаниях о Тургеневе“ И. П. (Павловского) („Русский Курьер“, 1884, № 150).

⁴⁷⁾ М. М. Стасюлевич с 1865 г. редактировал „Вестник Европы“.

⁴⁸⁾ Г. З. Елисеев с 1868 г. был одним из редакторов „Отечественных Записок“.

⁴⁹⁾ В №№ 1—5 „Вестника Европы“ за 1880 г. печаталась известная статья П. В. Анненкова „Замечательное десятилетие“.

Панаева и Пыпина (книгу о Белинском). Что касается до первого, то Тургенев прямо отверг всякое серьезное значение за его „Литературными воспоминаниями“.

7-го Марта 1880 г. Недели три тому назад мне совершенно случайно пришла в голову мысль об основании Пушкинского кружка или чего-нибудь в этом роде. В. В. Чуйко предложил мне стать членом Шекспировского кружка⁵⁰⁾; я ему предложил, в свою очередь, устроить Пушкинский, благо и день открытия памятника недалеко. В квартире у Острогорского⁵¹⁾, который принял это предложение горячо, был набросан первый план устава. В пятницу 7-го марта я с этим уставом явился к Полонскому, где, по моим расчетам, должен был быть Тургенев. Я не ошибся. Кроме Тургенева, был еще Григорович и потом читавший о Пушкине лекции Незеленов.

Я. П. я застал не на обычном месте, в кабинете, а в спальне, куда ход вел из гостиной. Он был нездоров, страдал печенью и одетый лежал в постели. С'езжавшиеся гости колебались между кабинетом и этой комнатой. Разговор велся о разных предметах, прежде всего, о самой болезни (прохождение через печень камней), затем склонился к поэзии и коснулся г-на Случевского⁵²⁾.

— Я не понимаю этого человека, — говорил Полонский. Ну, вот, представьте себе, что нас двое и что у нас одинаково сильные таланты. Я, положим, всем волнуюсь, вы относитесь ко всему спокойно. Середины между этим я решительно не понимаю.

Не находя удобным излагать устав при массе толпящихся у постели гостей, я отправился в кабинет и познакомил с ним человек 3-х—4-х, прося каждого вести пропаганду, а женщины заняться вербовкою,—на это у них большие дарования. К этому времени приехали Тургенев и Григорович. Оба они отправились к Полонскому. Каково было мое удивление, когда, подойдя к дверям спальни, я услышал вопрос Григоровича: А ты, И. С., я слышал, какой-то устав для Пушкинского кружка пишешь?

— В первый раз слышу и решительно никакого устава не пишу. Обед вот я хлопочу устроить в память Пушкина.

Я поневоле должен был вмешаться и опровергнуть этот литературный слух, сказавши в общих чертах, что за общество желательно бы учредить при содействии всех в этом деле заинтересованных и пр.

Мысль понравилась, и разговор зашел о дне открытия памятника Пушкину, причем Григорович заметил, что оно, вероятно, отложено будет до осени, ибо камень пьедестала лопнул в силу бывшей в нем трещины⁵³⁾.

⁵⁰⁾ В. В. Чуйко в 80-х г.г. усиленно занимался Шекспиром, работая над своей монографией „Шекспир, его жизнь и произведения“, вышедшей в 1889 г.

⁵¹⁾ Викт. П. Острогорский, известный педагог.

⁵²⁾ Литературная деятельность К. К. Случевского, начавшаяся в 1857 г., после долгого перерыва возобновилась затем в 1878 г.—с напечатанием поэмы „В снегах“.

⁵³⁾ Пушкинские торжества состоялись 6—8 июня 1880 г.

Вскоре Полонский, чувствовавший себя лучше, встал, и все общество разместилось за чайным столом. Григорович по обыкновению говорил очень много и хорошо об искусстве, о собирателях редких картин и вещей, о различных типах этих собирателей, из коих один, например, скупает все, что ни появляется редкого по старине и сваливает в кучу, не разбирая, а другой скупает и затем вытаскивает какую-нибудь одну, поставит и сидит, целый день любуется, пока опять не спрячет.

— Я раз на одном из аукционов,—вставил Тургенев,—купил вазу, заплатил за нее 1500 франков, а теперь,—продолжал он, обращаясь к г-же Филипповой,—я бы вам с удовольствием уступил за 1000.

— Я знал одного француза,—рассказывал Григорович,—который собрал до 1000 тувель всевозможных; затем я видел громадную коллекцию подсвечников. В общем, это прекрасно. Иные собирают только одни ключи, и бывают случаи, что за ключ платят несколько тысяч франков.

При этом Тургенев иллюстрировал рассказ Д. В. словесным изображением одного огромного ключа, внутри коего было сделано из железа множество прекрасных фигур в рыцарских костюмах и отделка внешняя была замечательна.

— Я прежде одно время любил японщину и картины⁵⁴⁾,—добавил он.

Григорович, овладевший разговором, сообщил, что недели две назад получил в распоряжение значительные суммы для, так сказать, поддержки изящного вкуса в наших русских производствах—гончарном, слесарном и пр.⁵⁵⁾.

— Я,—говорил он,—разослал во многие места прекрасные образцы рисунков, но не знаю еще, что из этого выйдет и дойдут ли они по назначению. Недавно из Вологды получил я несколько коробок, сделанных с замечательным вкусом из простой бересты и покрытых каким-то особенным лаком. Коробки эти стояли у меня. Все проходили мимо них почти равнодушно, замечая, что они недурны, и только. Я отыскал одного француза-любителя и пригласил его. Тот сейчас же явился и, еще стоя в дверях, откуда были видны коробки, буквально завыл от восторга: а! а! а! где и кто делал их?—Я говорю, что делали их в окрестности Вологды крестьяне. И что же слышу недавно? Что уж этот француз прокричал про эти коробки по всему Парижу. Там это стало модой. Поднял целую историю. Его поразил вкус, с каким сделано. А я разослал рисунки для бонбоньерок в этом стиле, но опять таки не знаю, пойдет ли это у нас. Мы—другие люди в этом отношении. А француз, я уверен, наживет себе на них большие деньги.

⁵⁴⁾ В начале 70-х г.г. Тургенев увлекался собиранием картин, на что встречаются указания в письмах его того времени. В 1878 г. Тургеневу пришлось распродать свое собрание.

⁵⁵⁾ С начала 60-х г.г. Григорович состоял секретарем Общества поощрения художеств.

Речь перешла опять к картинам, причем Тургенев совершенно неожиданно вторгся в рассказы Григоровича следующим образом:

— Сегодня,—начал он,—я был на передвижной выставке. Там есть вещи две хороших. Но не в этом дело. Подходит ко мне Тимашев ⁵⁶⁾ и просит взглянуть на его портрет, писанный Маковским.

Затем некоторая пауза.

— Странная вещь! Он все время называл меня Михаилом Ивановичем, говоря о музыке,—не принял ли он меня за покойного Глинку? „Михаил Иванович, как ваше мнение о том-то? как, Михаил Иванович, на ваш взгляд то-то?“

Этот переход от обыкновенного рассказа о высокопоставленной особе к собственному недоумению, с серьезным лицом, вышел замечательно комичен и, несмотря на краткость, в десять раз многозначительнее длинных рассказов Григоровича о разных особах высокого полета. И. С. иногда умеет подсадить говоруна и во-время, как бы нехотя, вставить подобную штуку.

Григорович с особенным восторгом отнесся к мысли об основании общества. Тургенев перешел на диван, а мы остались за недопитыми стаканами чаю.

— Я всегда говорил, что удивляюсь теперешним людям. Например, возьмите: прежде был князь Одоевский ⁵⁷⁾, мой друг и приятель. У этого человека собиралась вся аристократия рода и таланта: великосветские барыни, литераторы, посланники — все не обходили его салона. И что же их туда влекло? Исключительно сам хозяин, споры, разговоры, живой интерес к литературным и другим вопросам. Я помню эти вечера, помню, как около двенадцати приносили огромное блюдо дымящегося картофеля и все эти особы просто и с удовольствием упичтожали его руками, привыкшими к перчаткам. Одоевский был небогатый человек и не мог кормить всех своих гостей, но они не за тем и шли к нему. Это была прекрасная личность, около которой группировалось все без различия званий и партий. Есть ли теперь что-нибудь подобное? Относительно предполагаемого общества я могу быть вам многим полезен,—продолжал Д. В.,—к тому же это было всегдашней моею мыслью. У нас есть несколько пустых зал в школе— ⁵⁸⁾ вот вам помещение на первый раз.

Я обещал ему в один из визитов сообщить подробности.

Около дивана, где лежал Полонский и сидел Тургенев, велся разговор более политического характера. Говорили о новом университетском уставе ⁵⁹⁾. Григорович пересел к барыням, где зашла речь о Верещагинской выставке ⁶⁰⁾.

⁵⁶⁾ Генерал-адъютант А. Е. Тимашев, бывший в 1868—1877 г.г. министр. внутр. дел.

⁵⁷⁾ Кн. В. Ф. Одоевский умер в 1869 г.—Ср. в воспоминаниях Григоровича, гл. IX.

⁵⁸⁾ В школе общества поощрения художеств.

⁵⁹⁾ Вероятно, речь шла о тех частичных изменениях в уставе 1863 года, которые были проведены гр. Д. А. Толстым в 1879 г. Новый устав был проведен позднее, в 1884 г.

⁶⁰⁾ На выставке картин Верещагина было два отдела: один из картин, посвященных Индии, другой—из картин, изображавших эпизоды русско-турецкой войны 1877—1878 г.г.

— По мне из русского отдела есть две, действительно, картины: это та, где изображено, как турки обдирают убитых, и еще казачий пост на Дунае.

Эта оценка русского отдела близко совпадает с моей. По-моему, сюда следует еще причислить картину „Вечная память“. Она хорошо задумана и хорошо написана.

В первом часу Полонский почувствовал себя хуже, и все стали расходиться. Я при прощании сообщил Тургеневу, что в воскресенье утром к нему явится небольшая депутация, которая изложит более подробно мысль об устройстве общества и прочтет набросок его устава. Он сказал, что очень рад быть чем-либо полезным приведению этого дела в исполнение.

9-го марта, в воскресенье, мы отправились к Тургеневу втроем: Чуйко, Острогорский (редактор „Детского Чтения“) и я. Он квартировал в *Chambres garnies* на углу М. Морской и Невского, кажется № 20, ход с Невского. Вероятно, никого так часто не посещали в этих номерах, как его, потому что слуга спросил нас: вы, верно, к Тургеневу? На этот раз помещение у И. С. было значительно просторнее того, в каком я видел его на Михайловской улице в прошлом году. Небольшая передняя, затем зало и влево просторная спальня.

Было около половины двенадцатого. Тургенев сидел за самоваром, рядом с ним неизменный Топоров (по профессии придворный дантист). От чаю мы отказались, и я почти сейчас же сказал несколько предварительных слов и, прочтя в „Голосе“ слух об основании этого общества, приступил к чтению устава.

— Я очень сочувствую этому начинанию,—сказал Тургенев после того, как я сложил бумагу и спрятал ее в карман,—и, несмотря на два препятствия, не считаю нужным бросать это дело. Первое препятствие самое главное: как провести эту мысль в высшие сферы, как взглянет на нее правительство,—ведь, у нас поэзию не считают за искусство. Второе затруднение—пустяки, это чисто материальная сторона. Я был в числе основателей трех обществ, и из них два погибло от недостатка средств, а одно (общество для вспомоществования нуждающимся литераторам⁶¹⁾) прекрасно стало на ноги. Я советовал бы составить сначала нечто вроде докладной записки, где бы точно и определенно выражены были цели общества, а сам беру на себя с удовольствием разведки по этому делу. Придется писать, конечно, эзоповым языком.

Тут посыпались предположения, кто может особенно удачно писать им.

— Да я думаю,—вставил я,—что у каждого из нас есть в известной степени эта способность и скопом мы напишем. Кто же знает, вдруг может появиться в этом роде какой-нибудь и крупный талант!

⁶¹⁾ Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) было учреждено в 1859 г. Тургенев был одним из 11 учредителей общества, подписавших его устав.

— Да вот разве что,—заметил смеясь Тургенев,—такой, как щедринский, например. А то вы представьте себе, скажут: а Шевченко, ведь, тоже поэт, значит и его вы будете изучать?—и устав сразу провалится.

— Нельзя ли пустить слово „классический“, напереть на эстетику, как на противодействие грубому реализму?

— Нет, это слово тоже не спасет. Ведь, скажут: и Ювенал классический поэт. Надо обдумать записку с полным вниманием. Дело, вероятно, не обойдется без Меликова. Я не знаком с ним лично, но я с удовольствием бы испросил у него аудиенции, если что надо.

Я указал на хорошего знакомого Меликова—И. Ф. Золотарева.

— Я припоминаю один анекдот из моего знакомства со стариком Орловым ⁶²⁾.—Эх,—говорил он,—вы, молодые люди, не знаете, как дело вести. Все позволят, все, с'умеете только хорошенько предварительно поклониться и дело в шляпе. Так вот относительно записки: придется, может быть, писать ее в таком тоне, который нам самим не понравится. В силу этого же обстоятельства и необходим рабий язык. Я представляю себе, как бы заорал Щедрин, если ему сказать об этом обществе.

Чуйко предложил соображение следующего рода: в Москве существует общество любителей русской словесности ⁶³⁾ на очень широких правах, коими оно теперь почти не пользуется. Нельзя ли слиться с ним, представить здешнему обществу нечто вроде отделения того, московского, указав при этом, как на нечто подобное, на Славянский комитет ⁶⁴⁾.

— Это все прекрасно,—заметил Тургенев,—но пока не надо об этом говорить, а делать разведки. В среду я буду на обеде у Евгении Максимилиановны ⁶⁵⁾ и сообщу там об этом в виде слуха. Ведь знаете, что всегда самые умные люди из высоких особ, государственных людей, всегда, говоря с вами и находя мысль прекрасной, держат за пазухой камень. Я как-то высказывал это очень умному человеку, князю Урусову, желавшему знать вообще мои взгляды. Всегда у них камень за пазухой. Я уверен, что не разрешили бы даже обеда в честь Гоголя. Пушкинский обед разрешат, вероятно, но Гоголевский—не думаю. Да и с этим обедом сколько хлопот. Я не знаю, где он будет—здесь или в Москве. Вероятно, в Москве. Надо все обставить. На обеде должен

⁶²⁾ Вероятно, М. Ф. Орлов, в доме которого Я. П. Полонский встречал Тургенева в начале 40-х годов. Ср. „Мои студенческие воспоминания“ Полонского (Литературные приложения к „Ниве“, 1898 г., № 12).

⁶³⁾ „Общество любителей российской словесности“ было основано в 1811 г. Временно прекратив свою деятельность в 1844 г., общество возобновило ее в 1858 г.

⁶⁴⁾ Славянский благотворительный комитет (позднее Славянское благотворительное общество) был учрежден в Москве в 1858 г. В 1868 г. возник Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета, преобразованный в 1877 г. в Петербургское Славянское благотворительное общество.

⁶⁵⁾ Принцесса Евгения Максимилиановна, супруга принца Александра Петровича Ольденбургского.

обязательно быть Долгорукий⁶⁶⁾, должны питься официальные тосты и пр. Все это не легко устроить, но бросать из-за этого все дело не следует.

Тургенев на первый взгляд имел утомленный, усталый вид и как-то, показалось мне, постарел. Голос был довольно слаб, нередко он останавливался, как бы что-то вспоминал и продолжал опять. Застал я его на этот раз не в блузе, а в сером пиджаке, очень изящно одетым. Топоров все время глядел на него чисто влюбленными глазами. Это—нянька Тургенева.

В числе воспоминаний он передавал о судьбе, постигшей „общество посещения бедных“, где масса членов была из военных. Прекратить сразу его было неудобно. Вышло в один прекрасный день приказание всем военным оставить общество, и оно само собой прекратилось, ибо остальные бросили его из страха. Это, кажется, было при Николае⁶⁷⁾.

Просидевши у И. С. около часа, мы отправились по домам. Перед уходом Тургенев жаловался на самого себя и на свою лень.

— Совершенно разучился в эти три года писать. Давно обещал написать Стасюлевичу статью о барельефах, которые видел в Берлине, и что хотите—не могу⁶⁸⁾. Он даже особое приспособление завел специально для меня. Взгляните!

И он показал нам перегнутой пополам кусок тонкого картона, где наверху стояло И. С. ТУРГЕНЕВ, напечатанное крупным шрифтом, а внизу тоже крупно: ДОМА НЕТ.

14 марта. Пятница у Полонских. Утром я получил от Я. П. письмо, где он говорит, что ему лучше и напоминает о вечере, в который Тургенев будет в последний раз, ибо скоро уезжает в Москву. Народу к Полонскому набралось человек двадцать пять, между которыми, кроме Тургенева, были заметны: Майков⁶⁹⁾, совсем исхудавший, как скелет, Соловьев — философ, покидающий Москву для Петербурга⁷⁰⁾, знаменитый шахматист Шумов⁷¹⁾, какой-то мировой судья Лермонтов⁷²⁾

⁶⁶⁾ Кн. В. А. Долгоруков, московский генерал-губернатор. 20 мая 1880 г. Тургенев писал из Москвы Стасюлевичу, что кн. Долгоруков приглашен на литературный обед, но не придет, так как не желает стеснять свободу речей и тостов („Стасюлевич и его современники“, т. III).

⁶⁷⁾ Общество посещения бедных, основанное в 1846 г. кн. В. Д. Одоевским, прекратило свое существование в 1855 г., вскоре после воспрещения военным участвовать в нем.

⁶⁸⁾ Письмо Тургенева о Пергамских раскопках было написано через несколько дней после того — 18 марта — и напечатано в апрельской книжке „Вестника Европы“ за 1880 г. О том, как были написаны „Пергамские раскопки“, рассказано в заметке Стасюлевича „По поводу воспоминаний А. Питча“, напечатанной в № 5 „Вестн. Евр.“ за 1884 г.

⁶⁹⁾ А. Н. Майков, поэт.

⁷⁰⁾ Соловьев „покинул Москву для Петербурга“ еще в марте 1877 г., когда был назначен членом ученого комитета при министерстве народного просвещения. Впрочем, служба эта не мешала ему часто и иногда надолго уезжать в Москву.

⁷¹⁾ И. С. Шумов, ум. в 1880 г.

⁷²⁾ Вероятно, Г. В. Лермонтов, бывший с 1866 г. почетным мировым судьей в Петербурге (указание Б. Л. Модзалевского).

с наружностью Бакупина, Гр. Данилевский⁷³⁾, Шелгунов⁷⁴⁾ и многие другие.

Вечер начался с музыки. А. Ю. (Нюкутовская) играла Шопена. Тургенев, которого она так боялась, сидел на диване и внимательно слушал, косо поглядывая на скрипящего по зале сапогами Алю⁷⁵⁾. В конце я видел, как он вынул свой красный платок, слегка высморкался, снял и протер пенснэ. Видно было, что хорошее исполнение знакомой пьесы на него действует до художественного умиления. Он даже хлопал, а это, говорят, много значит. Впрочем, и то сказать играла недурная собой девица, а кто к ним не снисходителен! Я спросил его о результате разведок и услышал, что слух об основании общества принят был довольно холодно.

— Можно наверное сказать, что если поторопиться с уставом, то не разрешат.

Н. П. Аловерт⁷⁶⁾, бывший в числе гостей, сообщил мне, что в одном кружке любящих поэзию и вообще ценителей моя „Весенняя сказка“ очень понравилась. Полонскому—тоже. Она написана была для детей, а ценят взрослые. Впрочем, дети — если хоть что-нибудь понимают в ней, и то ладно. Кружок ценителей—это Лесной, где живет Сальяс⁷⁷⁾. По словам Аловерта, сказку читали раза три вслух разные лица. Запошу это, как несомненно любопытный для меня факт. Публику надо всегда слушать.

Представляя Михайлова⁷⁸⁾ Тургеневу, как будущего нашего поэта, причем Тургенев выразил свое удовольствие и заметил, что „пора нам, старикам, со сцены“ или вроде этого, Полонский и меня рекомендовал (в который уже раз!) как такого-же, на что я только улыбнулся не то сконфуженно, не то довольно, но вообще двусмысленно, так как общество и приличие любят известное смирение.

Вечер закончился полдюжиной анекдотов, которые рассказывал Тургенев в кабинете, с шапкой в руках, готовясь уйти. Анекдоты были не дамские, так что пришлось затворить двери в залу.

Зашла речь о Писемском⁷⁹⁾.

— Если уже,—продолжал Тургенев,—разговор принял такой оборот, то я вам скажу, что когда-нибудь издам целую книгу „Боткиниану“, о Василии Петровиче Боткине. Это был такой чудак, каких я не встречал, и при этом знаток живописи и музыки—редкий⁸⁰⁾... У него художественное чувство дошло до болезненности, до эротизма. Он,

⁷³⁾ Г. П. Данилевский, автор исторических романов.

⁷⁴⁾ В конце 70-х годов Шелгунов вернулся в Петербург после административной высылки. В 1880 г. он принимал ближайшее участие в журнале „Дело“, а в ноябре того же года, после смерти Благовещева, стал его редактором.

⁷⁵⁾ А. Я. Полоцкий, старший сын поэта.

⁷⁶⁾ Редактор журнала „Огонек“.

⁷⁷⁾ Вероятно, гр. Е. А. Салиас, романист.

⁷⁸⁾ В. П. Михайлов-Мартов, друг и земляк Д. Н. Садовникова. О нем см. в книге Б. Глинского „Среди литераторов и ученых“.

⁷⁹⁾ Здесь следует несколько строк, неудобных к печати.

⁸⁰⁾ Пропускаются несколько строк.

я уверен, сам этого не сознавал. Он необыкновенно любил Моцарта и как-то в концерте пришел в такой восторг, что обратил на себя всеобщее внимание. Поднялся с кресла, подогнул как-то ноги, расставил руки, завалил назад голову и простоял в этой позе несколько минут. Потом опустил опять ⁸¹⁾...

— В деле восторга он не отставал и как гастроном. Помню, подали где-то на обеде прекрасный суп. Сам я могу прийти в умиление от хорошего обеда, но с Боткиным в этом случае не сравнюсь. Подали суп. Он взял ложку, глотнул, раскрыл рот; ложка упала в тарелку, и из глаз побежали слезы. Это была для него тоже минута непритворного восторга...

.....

Тургенев через две недели, не раньше, хочет ехать в Москву, а оттуда в деревню, после чего в конце лета вернется в Петербург и опять уедет за границу, о которой соскучился ⁸²⁾.

Когда речь зашла о Дрезденской галлерее и о знаменитой Мадонне, Тургенев высказал в нескольких словах то впечатление, которое она на него произвела и которое первое кинулось ему в глаза. Это соединение полной невинности с недоумением, как это случилось.

— Завтра еду к Антокольскому, — заключил он. — Это прекрасный художник. Его „Христос“ замечателен. Хорош еще необыкновенно один надгробный памятник с изображением молодой девушки, одна нога которой скользит в могилу. Замечательно выражение ее лица, говорящее: зачем? „Сократ“ — это ошибка художника, и потом он его обезобразил этим носом, похожим на какое-то яблоко, вытянул зачем-то ноги, что очень некрасиво в смысле пластики.

— А ваш бюст? спросил кто-то.

— Он теперь переделан, и, говорят, очень удачно ⁸³⁾.

11-го Апреля. Были: Тургенев, Чижов (скульптор), брамин Чатта Падхайя, Майков, Венгеров, Мержеевский ⁸⁴⁾ (написавший судебную гинекологию, которую продает *под бандеролью*), Соловьев (философ) и многие другие. Брамин, молодой, лет 25—28, привлек на время общее внимание своим оригинальным костюмом. Нечто вроде блузы, или скорее китайской кофты, надетой сверх жилета, только с обтянутыми

⁸¹⁾ Пропускаются несколько строк.

⁸²⁾ Тургенев приехал из Петербурга в Москву 18 апреля. В начале мая он уехал из Москвы в деревню, а 24 мая выехал из Спасского снова в Москву. 19 июня Тургенев приехал в Петербург, а 28 июня был уже в Буживале („Хронологическая канва“ Гутьера).

⁸³⁾ Известность Антокольского началась с 1871 года, когда был выставлен „Иван Грозный“. Тургенев и Стасов поместили тогда восторженные статьи об „Иване Грозном“ в „Спб. Ведомостях“. В марте 1880 г. в академии художеств была выставка произведений Антокольского, который приехал тогда из-за границы. „Христос перед народом“ сделан в 1876 г., надгробный монумент княжны М. А. Оболенской — в том же году, „Сократ“ — в 1877 г., бюст Тургенева — в 1879 г.

⁸⁴⁾ Вероятно, доктор В. О. Мержеевский, упоминаемый в письме Полонского к Стасюлевичу („Стасюлевич и его современники“, т. III).

рукавами и какими-то крылоподобными паплетчиками. Он говорит на четырех языках, в том числе по-русски и по-французски (очень плохо). Произношение смахивает на английское. Лицо неглупое, очень смуглое, до темноты, волосы, как смоль, вьющиеся; небольшого роста, с сильно развитыми губами.

В конце вечера, по старому обыкновению, весь интерес сосредоточился на Тургеневе, который не умолкая рассказывал много интересных подробностей из своей жизни. Разговор за вечерним столом я застал на тему о бесконечном и что такое бесконечное. Соловьев подтрунивал довольно неумело (в смысле присма и отношения) над математикой вообще и над Ительсоном ⁸⁵⁾ (математиком) в частности. Он говорил, что в математике много условного и что она во многом противна логике. Началась стрельба со стороны Ительсона иксами, n -ми, вообще алгеброй. Он начал объяснять, обращаясь к Тургеневу, который, очевидно, принимал участие в разговоре об определении бесконечного.

— Вы меня извините— начал И. С.,— я в алгебре деления не понимаю. Например, дробь на дробь — это для меня нечто, превышающее мои способности. Надо вам сказать, что я, страшное дело, точными определениями как-то не интересуюсь. Все, что можно доказать, не понимаю даже, и, напротив, то, чего нельзя доказать, мне кажется, что я понимаю. Например, понятие о красоте. Определите мне красоту. Когда я был ребенком (заметьте!), математика была моим любимым предметом. Я умирал над математикой. С Франкёром ⁸⁶⁾ спал. И знал тогда, даже какую-то тригонометрию проходил, помню. Теперь этот Франкёр в моей деревенской библиотеке. Случается, возьмешь и думаешь: Господи! неужели все это было, милый друг, и я, действительно, не расставался с тобой. Когда я был мальчиком, то, помню, первое мое удовольствие было— подраться и математика. Бывало, раздеремся с братом в кровь и друг другу лицо губкой моем. Помню, секли меня больше всех; так секли, что страх. И при этом задоре, заметьте, ростом я был в 15 лет не выше семилетнего. Затем совершилась удивительная перемена после 15-ти лет. Я заболел. Со мной сделалась страшная слабость во всем теле, лишился сна, ничего не ел, и когда выздоровел, то сразу вырос чуть не на целый аршин. Одновременно с этим совершилось и духовное перерождение. Прежде я знать не знал, что такое поэзия; а тут математику с меня точно что сдуло, я начал мечтать и пописывать стихи. И теперь мне надо страшно напрягать мозг, чтобы что-нибудь понять из этих $a + b = 0$ или там чему— я не знаю. Сначала еще все понимаешь: $a + b = 0$, положим, но чем дальше, тем все это растет; над a появляется 1, 2, 3, и т. д., в конце концов, какая-то веточка и смотришь — 2 на нее успело вскочить наверху. Особенно веточки эти ужасны. А ты, Яков Петрович, знаешь это?

⁸⁵⁾ Репетитор старшего сына Я. П. Полонского.

⁸⁶⁾ Учебники французского математика Франкера были широко распространены в России в середине минувшего века.

— Я знаю.

— И интегралы знаешь?

— Нет, интегралов не знаю, да я их и не проходил.

— Червячки то эти, заметил Ительсон, рисуя пальцем интегральный значок.

— Почему-то мне интегралы представляются, как червячки, или скорее, именно, как червячек,—продолжал Тургенев,—и непременно в бутылке с уксусом, где он выделяет разные этакие штуки, вибрирует туда и сюда. Всякий раз, как только я слышу: „интеграл“,— у меня это представление является в голове. В одном месте потоньше, в другом потолще, с талией и непременно в бутылке. Ну, вот, подите!

Разговор, понятное дело, зашел о воображении, присутствие которого Тургенев признал необходимым везде,—и в математике, и в искусстве.

— Я знал,—говорил он,—одного человека, он был математик; так он с необыкновенной любовью смотрел на формулу, находил в ней тоже известную красоту. Леверье помог случай, счастье, которое тоже не малое достоинство, а Ньютон, конечно, был творческий гений. Для всякого художественного творчества нужен известный толчок. Все подтвердят, что чисто бессознательное творчество присуще каждому пишущему. Бывает такое иной раз тупое состояние духа, во время которого вы пишете и не знаете, не умеете, как выразить, как справиться со следующей фразой. И вдруг точно кто другой скажет вам ее так, что вы сами удивитесь. И у гениальных людей любая мысль выражена бывает, кажется, понятно для массы людей, но вместе с тем так, как никто до сих пор не выражал. Вам кажется в ту минуту, как ее прочли, что и вы бы так сказали. Да вот вам знакомый, близкий мне факт, идущий здесь к делу доказательства присущей людям вполне бессознательной творческой деятельности. Нас было трое братьев⁸⁷⁾. Из них у меня и у старшего брата было воображение довольно сильное, у младшего меньше. У нас существовала, как сейчас помню, игра. Был целый архипелаг островов. Я даже помню имена. У каждого из нас было по острову. Я был королем на одном из них, другой брат—великим герцогом и пр. Острова вели между собою войны. Происходили битвы, одерживались победы. Раз мне пришлось, помню, писать историю островов и я написал вот такую толстую тетрадь. Когда я начал читать ее братьям, то в тех местах, где я дополнял историю воображением, братья меня останавливали: нет, нет, не так! Затем я должен был нанести эти острова на карту и до сих пор помню форму этих островов. После я не раз спрашивал брата, кто сочинил эту игру, этих королей и прочее. Он не знал. Сам я тоже не знал, не помнил, кому пришло это в голову. Точно это все с неба свалилось готовым, как предание, создалось помимо нашей воли.

⁸⁷⁾ Старший брат И. С. Тургенева Николай родился в 1816 г., умер в январе 1879 г., младший—Сергей, родился в 1821 г., умер в 1839 г.

Теперь еще скажу вам: когда пишешь роман и обдумываешь характеры,—сцены, образы людей, типы не дают покоя. Его, конечно, прежде всего берешь из жизни. Она дает известный толчок, а дальше идет полу и бессознательное творчество. Сначала вы находите вот такос-то лицо типичным, затем вы думаете об нем; встречаясь с другими лицами, находите в них какой-то отзвук себе; наконец, вы чувствуете, что возле вас кто-то стоит, ходит с вами,—и вот живое лицо сложилось. Это нечто вроде сна. Ходишь среди геросв своего романа, видишь себя между ними и в то же время сознаешь всю разницу между собой и другим „я“, которое там. Во сне, например, знаешь, что вот этот человек, Иван Федорович, хоть совсем на него не похож, но это безразлично⁸⁸⁾.

Тут Тургенев, смеясь, привел стихи, раз написанные им во сне. Они были, приблизительно, следующего содержания:

Раздался выстрел молодой,
И князь обнял младого хана:
Ах, избегай сего тирана,
Беги, беги скорей домой.

— Я проснулся, успел их записать. Так свежо было впечатление.

— Относительно снов,—сказал Полоцкий,—я тебе скажу, что в детстве я видел следующее. Около моей кровати была шифоньерка с дверцами; на ней кто-то нарисовал мелом рожу. И ночью, благодаря этой рожке и отворившейся дверце, мне представлялось, что там за этими дверьми начинается какой-то новый мир волшебников, фей и пр. А недавно я видел во сне, что пишу акварелью с лошади. И вдруг она кидается от меня бежать. Я кричу ей: стой! дай мне хоть морду-то домазать! Нет, она бежит дальше, и на всем скаку я продолжаю рисовать ее.

— Кошмары—это ужасная вещь,—продолжал Тургенев.—Со мною они нередко случаются. Помню такой случай. Вижу во сне, что я в Мексике. Мексика, понятно, совсем особенная—все в гору идет. Я иду по улице города. Почему-то мне представляется, что в Мексике живут португальцы. Я не знаю, куда идти, и жду, что вот из-за угла выйдет этот португалец и скажет. Что скажет—я не знаю. Знаю одно, что тяжелое состояние моего духа разрешится,—и действительно, из-за угла он показывается и говорит: „альты“. Что это за „альты“—я не знаю, но оно разрешает все мое сомнение, и я просыпаюсь.

Общество разошлось около половины второго. Тургенев уедет на днях. Я не рассчитывал его видеть в эту пятницу, но, говорят, его какие-то барыни упростили, и он остался.

Д. Н. Садовников.

⁸⁸⁾ Аналогичные показания см. Н. М. Гутьяр, И. С. Тургенев, гл. XVII.